

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ

Л. П. РЕПИНА

КОНТЕКСТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ*

«...Культура не является причиной, обуславливающей события, поведение, институты или процессы; это контекст, в котором их можно вразумительно, то есть подробно, описать»¹.

В настоящей статье, открывающей двадцать пятый — юбилейный! — выпуск «Диалога со временем», уместно продолжить и актуализировать размышления над качественными изменениями в понимании предмета, задач и методологии интеллектуальной истории, начатые мною десятилетие назад в его первом выпуске и представленные в более развернутом виде в последующих публикациях разных лет².

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках исследовательского проекта № 06–06–80059 «Полидисциплинарные подходы, социальные теории и современная историографическая практика (конец XX – начало XXI в.)».

¹ Geertz C. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. N. Y., 1973. P. 14.

² Репина Л. П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. Вып. 1. 1999. С. 5-12. См. также: Репина Л. П. 1) Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // Диалог со временем. Вып. 2. 2000. С. 5-13; 2) Современная историческая культура и интеллектуальная история // Диалог со временем. Вып. 6. 2001. С. 5-10; 3) Опыт междисциплинарного взаимодействия и задачи интеллектуальной истории // Диалог со временем. Вып. 15. 2005. С. 5-14; 4) От личного до глобального: Еще раз о пространстве интеллектуальной истории // Диалог со временем. Вып. 14. 2005. С. 5-10; 5) Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. Вып. 22. 2008. С. 5-15; и др.

В мировой историографии рубежа XX–XXI вв. предпочтение отдается контекстуальным подходам, которое проявляется в разных ее областях неравномерно и в модифицированных формах. Общий вектор указывает на переход от *каузального* объяснения к *контекстуальному*³.

Важнейшую роль в этом процессе «всеобщей контекстуализации» сыграло становление новой исследовательской парадигмы, называемой «постнеклассической» или «неоклассической» и опирающейся на концепции исторического развития, группирующиеся вокруг разных теорий «прагматического поворота»⁴, которые рассматривают действия исторических акторов в их специфических локальных ситуациях, в контексте тех социальных структур, которые одновременно и создают возможности для действий, и ограничивают их. Исследования сторонников «прагматического поворота», ориентированные на синтез социальной и культурной истории, объяснения и понимания, оказывают стимулирующее воздействие на пересмотр теоретико-методологических установок в смежных областях исторического знания.

Понимание исторического контекста как ситуации, задающей не только социальные условия любой деятельности, но также конкретные вызовы и проблемы, которые требуют разрешения в рамках этой деятельности, получило широкое распространение. В последние годы все более очевидной становится правота довольно смелого для конца 1990-х годов утверждения известного французского историка Мориса Эмара о том, что «в конечном счете исторический контекст все-таки одержал верх над тягой некоторых историков к абстракциям»⁵.

³ Этот факт особенно подчеркивается в работах сторонников «новой компаративной истории». См.: *Cohen, Deborah*. Comparative History: Buyer Beware // *Bulletin of the German Historical Institute*. 2001. № 29. P. 30. См. также: *Comparison and History: Europe in Cross-National Perspective* / Ed. by D. Cohen, M. O'Connor. N. Y.; L., 2004.

⁴ См.: *Revel J.* L'institution et le social // *Les formes de l'expérience: Une autre histoire sociale* / Sous la dir. de Bernard Lepetit. Paris, 1995; *Biernacki R.* Language and the Shift from Signs to Practice in Cultural Inquiry // *History and Theory*. 2000. Vol. 39. N 3. P. 289.

⁵ *Эмар М.* История и компаративизм // *Новая и новейшая история*. 1999. № 5. С. 94.

Как была одержана эта «победа» исторического контекста в объяснительных моделях новейшей историографии? Ответы на этот вопрос неоднозначны и, по-видимому, специфичны для разных ее отраслей и направлений. Что касается интеллектуальной истории, то, например, британский историк Роджер Смит относит к причинам, которые привели к контекстуализации в истории знания, следующие: требование объяснять значение высказываний намерениями говорящих, а также их практическим использованием; желание подогнать исследование в области истории социально-гуманитарного знания под обычные стандарты академической истории; стремление выявить ценностный и политический контекст утверждений о знании; намерение показать, как знание конструируется в чисто социальных категориях; предположение о том, что утверждение о знании чего-либо — это лишь часть дискурса⁶.

В сущности, все перечисленные обстоятельства сыграли свою роль как в истории науки, так и в интеллектуальной истории в целом, в которой новый прагматический подход к изучению интеллектуальных процессов, не ограниченный только идеями (учениями, теориями и т. п.), а «погружающий» последние в исторический контекст их возникновения, бытования и восприятия, демонстрирующий осознание взаимосвязанности идей, проблем и способов их разрешения, предстает как результат весьма длительной дискуссии о соотношении между «внутренним» и «внешним» аспектами истории идей⁷, т. е. между содержанием мышления, воплощенным в тексте, и социальным контекстом творчества.

Если до 1960-х гг. основное внимание уделялось «внутренней стороне», а после — социальному контексту, вследствие чего интеллектуальная история отступила перед социальной историей интеллектуалов, «выплеснувшей с водой» высказанные ими идеи, то потребовалась «встряска» лингвистического поворота второй половины 1980-х — начала 1990-х гг., пробудившего интерес исто-

⁶ См.: *Смит Р.* История и история наук о человеке: чей голос? // Коллаж — 3. Социально-философский и философско-антропологический альманах. М., 2000. С. 6-26 (С. 9-10).

⁷ Подробнее об этом см.: *Kelley, Donald.* What is Happening to the History of Ideas? // *Journal of the History of Ideas.* Vol. 51. № 1. P. 12-13.

риков к теориям языка, речи и построению текста, чтобы затем, в ходе преодоления крайностей «постмодернистского вызова» вновь привлечь внимание к внелингвистическим, социальным характеристикам дискурса, связанным с событийным контекстом, в котором создается и распространяется текст, а также с индивидуальными целями, интересами, мировоззренческими ориентациями его творца и коммуникативной ситуацией «читателя». Стало ясно, что интерпретируя тексты, недостаточно восстановить их «лингвистический» контекст, а необходимо выявить *все* обстоятельства их создания, включая динамическую составляющую рассматриваемой исторической ситуации и перипетии интеллектуальной биографии автора. Это невозможно сделать в пределах анализируемого текста и даже «полного собрания сочинений» автора (предшествующих и последующих). Чтобы понять авторское высказывание необходимо «увидеть» весь процесс его порождения, в котором «вызов» встающих перед мыслителем проблем соединяется с реальными социально-политическими и жизненными обстоятельствами, с его интересами, намерениями и целями, с располагаемыми культурно-интеллектуальными ресурсами, с событийным рядом его действий по производству текста, и проч.

Таким образом, проблемно-ориентированная интеллектуальная история отказалась от дихотомии «внутреннего» и «внешнего», содержания и конкретных условий интеллектуальной деятельности⁸. Фокусировка на проблемах, а не на учениях и теориях, позволила включить идеи и тексты в их исторический контекст, совместить их с целью понять высказывание или текст как событие, результаты которого определяются как мыслительным процессом, так и внешними обстоятельствами. Подчеркнем: речь идет о порождении идеи, помогающей решить проблему, как о *реакции мыслителя на вызов контекста*. Именно такой подход, интегрирующий содержание и

⁸ Например, в истории наук внимание исследователя сосредоточивается скорее не на собственно теориях как таковых, а на изучении реально стоявших перед учеными проблем (включая весь спектр конвенций, практик и стратегий, вовлеченных в их постановку и решение), ставится задача раскрыть диапазон рассматриваемых ими вопросов, восстановить более общий интеллектуальный контекст, организационные структуры и структуры знания, отраженные в энциклопедиях и учебных программах. См.: *Jardine N. The Scenes of Inquiry: on the Reality of Questions in the Sciences. Cambridge, 1991.*

контекст, позволяет, по удачному выражению Дж. Ливайна, «представлять мысль в динамике — как ответ на конкретные проблемы и меняющиеся ситуации»⁹. Впрочем, «помещение мысли в контекст времени и установление связей с тем, что было до нее, и что пришло после» является главной задачей не только интеллектуальной истории, но и «истории вообще»¹⁰.

Смещение внимания исследователей от изучения преемственности в развитии идей к познанию каждой из них в контексте собственного времени, места и окружения знаменует переход интеллектуальных историков от абсолютизации к релятивизации объекта своего изучения. «Внутреннее содержание» (идея, учение, теория, текст) выступает одновременно как результат интериоризации мыслящим субъектом внешнего социально-культурного контекста и как возможная предпосылка трансформации последнего. При этом важно подчеркнуть, что ориентация на социокультурный контекст вовсе не означает редукцию к нему того, что составляет содержательную, «внутреннюю» сторону объекта интеллектуальной истории. Как выразился по поводу «идей, несводимых к чему-то еще», американский историк Аллан Мегилл, «идеи имеют последствия» (курсив мой. — Л. Р.), и именно по этой причине они заслуживают критического и исторического изучения»¹¹.

Первейшая задача интеллектуального историка — понять исторический текст (будь то письменный текст, созданный средствами языка, феноменологический текст как социальная репрезентация или же текст, порожденный поведением субъекта), то есть — *понять выраженную в тексте идею*. Но это, в свою очередь, означает — выявить во всех его конкретных деталях тот «контекст, в котором эта идея возникла, ограничения, которые эта идея как форма накладывает на исторический текст, и вызванное этими ограничениями воздействие “объективной истории” на состояние воспринимающего субъекта»¹².

⁹ Ливайн Дж. Интеллектуальная история как история // Диалог со временем. Вып. 14. 2005. С. 51.

¹⁰ Там же.

¹¹ Мегилл А. Глобализация и история идей // Диалог со временем. Вып. 14. 2005. С. 20.

¹² Чень Синь. Интеллектуальная история в контексте глобализации // Диалог со временем. Вып. 14. 2005. С. 32.

Интеллектуальная история включила в свое исследовательское пространство изучение не только рождения идей, но и их распространения (как в синхронном, так и в диахронном измерении), охватив, таким образом, наряду с каноническими фигурами великих ученых и мыслителей, авторов второго и третьего плана, и еще более скромных медиаторов¹³. Траектория же творческой жизни ученого — на разных ее отрезках — возвращает исследователя к необходимости последовательного сопоставления результатов его деятельности в разных интеллектуальных контекстах, включая предшествующее этой деятельности состояние науки, *современность* — с позиции героя биографии, *актуальность* — с точки зрения самого биографа, а также видение им *перспектив* дальнейшего развития науки. В контексте же изучения интеллектуальных традиций на первый план выходит проблема глубины исторической ретроспективы (как она видится из той точки на темпоральной шкале, которая принимается за настоящее), определения границ находящегося в процессе становления направления / области знаний / дисциплины и специфики восприятия предшественников или же целенаправленного поиска «отцов-основателей», «благородных предков» (с солидным «символическим капиталом»), который завершается построением желаемой интеллектуальной генеалогии. Изучая какой-либо период в истории науки (как и при осмыслении ее настоящего), важно знать не только ее текущее состояние, но и как в то время оценивалось то, что было сделано предшественниками, как было ими конфигурировано искомое исследовательское пространство и как виделась их персональная иерархия в динамическом плане¹⁴.

Переосмысление теоретических, критических и аксиологических оснований интеллектуальной истории приводит к существенному расширению ее проблемного поля, развитию вопросника: как и

¹³ В этой связи несомненный интерес представляет сетевая модель изучения интеллектуальных изменений, предложенная американским социологом Рэндаллом Коллинзом. См.: Коллинз Р. Социология философов. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Ретина Л. П. От личного до глобального: Еще раз о пространстве интеллектуальной истории // Диалог со временем. Вып. 14. 2005. С. 5-10.

почему те или иные идеи или теории возникали, как и почему менялся их смысл, как, кем и в какой форме они распространялись, какое оказывали воздействие в чередующихся друг друга конкретно-исторических контекстах, почему одни идеи распространялись быстрее, чем другие, как и почему некоторые становились «вечными», в то время как другие были обречены на скорое забвение, почему одни тексты становились каноническими, а другие маргинализировались, как устанавливались и менялись взаимосвязи между издавна существующими и вновь возникающими идеями, концепциями, теориями, учениями, культурными традициями, системами знания, ценностей, смыслов. Этот постоянно расширяющийся круг вопросов стягивает в неразрывный узел «внешние» и «внутренние» аспекты интеллектуальной истории.

* * *

Научная программа созданного в 1998 г. Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН и программа издаваемого им журнала «Диалог со временем» строятся на основе того нового понимания предмета и задач современной интеллектуальной истории, о которых говорилось выше.

В центре внимания журнала находятся междисциплинарные исследования творческой деятельности и интеллектуальных процессов в сфере истории мысли, гуманитарного, социального и естественнонаучного знания, всех аспектов творческой деятельности на базе интеграции истории идей, социально-интеллектуальной истории и микроаналитических подходов «новой культурно-интеллектуальной истории».

Новые коллективные научно-исследовательские проекты Центра интеллектуальной истории «Идеи и люди: интеллектуальная жизнь Европы в XVI–XX вв.» и «Интеллектуальная история в гендерном измерении» ориентированы на сравнительно-историческое исследование интеллектуальных процессов в различных странах и регионах Европы в разные исторические эпохи.

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

ЮБИЛЕЙ И ЮБИЛЕИ

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ЛОКАЛЬНАЯ РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

Журнал «Диалог со временем» празднует юбилей — выпуск, в котором появится данная статья, — двадцать пятый. Представляется любопытным обратиться именно в данный момент на страницах этого юбилейного тома к таким сюжетам, как представления о юбилее и история юбилеев. Юбилей как понятие существует в совершенно различных социо-культурных контекстах. Это слово присутствует и в бытовой лексике, и в языке Библии и, таким образом, может служить образцовым объектом для применения исследовательской стратегии интеллектуальной истории. Предлагаемый очерк должен объединить несколько задач — показать перспективы исследования темы как в контексте всеобщей, так и локальной истории, а также охарактеризовать не только стереотипы историографии, но и распространенные представления и доступные источники информации относительно истории юбилеев в христианском мире.

Почему мы, современные люди европейской культуры, считаем числа 25, 50 или 100 юбилейными? Приверженность десятичной системе не объясняет этих вопросов. Откуда происходит стремление к круглой юбилейной дате? Совпадает ли оно с желанием «отпраздновать» нулевые даты как рубеж эпохи, тысячелетия и т. д.? Естественно, можно увидеть в том и другом лишь недостаток культуры счета, хотя разночтения при подсчете юбилейной даты также имеют своего рода традицию. Речь идет и о том, чтобы обозначить дохристианские представления и традиции, которые могли создать предпосылки для дальнейшего развития идеи юбилея в латинском мире средневековья и Ренессанса. Что же такое юбилей, откуда пришло к нам представление о годе юбилея? С какой сферой представлений — светской или сакральной — связан юбилей своими корнями? Равным образом важно выделить значимые аспекты темы — как «юбилей в контексте (локальной) традиции римской истории», так и корни традиции юбилеев и циклических годовщин празднований в иудео-христианской и языческой римской истории.

Юбилей изначально связан с представлением о святом, священном годе. Не только историку¹, но и любому знакомому с Библией человеку, известно понятие юбилея в особом религиозном значении. Согласно Ветхому Завету святой год отпущения и благодати, который назывался юбилейным, наступал с определенной периодичностью, по закону Моисееву такой обычай должен был соблюдаться раз в пятьдесят лет, но это никак не было связано с половиной столетия. В библейском представлении о юбилее, проявилась символика числа семь. Символика Дней Творения и Субботы была перенесена на семилетку, и седьмой год также считался годом благодати и отдохновения, когда прощались долги и отпускались на свободу рабы. Следовательно, момент семикратного повторения годов отпущения должен был тем более восприниматься как год особой милости и благодати. Семикратное повторение семилетнего цикла — совершенный сакральный момент; в этот год отдохновения и милости предполагалось, что верующие, уповая на щедрость Бога, должны отрешиться от заботы об урожае, и каждый соединиться со своим племенем². При этом в талмудистской тра-

¹ Лучше сказать, что понятие юбилея известно и интересно также и анти-историку. Авторы одиозных «новых хронологий» интересуются данным концептом, причем их точка зрения на историю юбилеев оказывается в числе первых, предоставляемых по поиску термина, в то время, как ни один академический сайт не открывается в первой сотне по запросу на слово «юбилей» с русскоязычных поисковых систем. В такой ситуации антинаучная картина истории становится расхожим мнением, бытующей точкой зрения, и именно в этом качестве не может не заинтересовать нас.

² Левит 25-27, Числа 36:4, Навин 6 подробнее всего в (Leviticus 25:10-12). Левит, глава 25, стихи 8-24: ¹⁰ и освятите пятидесятый год и объявите свободу на земле всем жителям ее: да будет это у вас юбилей; и возвратитесь каждый во владение свое, и каждый возвратитесь в свое племя. ¹¹ Пятидесятый год да будет у вас юбилей: не сейте и не жните, что само вырастет на земле, и не снимайте ягод с необрезанных лоз ее, ¹² ибо это юбилей: священным да будет он для вас; с поля ешьте произведения ее. ...по расчислению лет после юбилея ты должен покупать у ближнего твоего, и по расчислению лет дохода он должен продавать тебе; Левит, глава 25, стихи 25-34: ³⁰ если же не будет он выкуплен до истечения целого года, то дом, который в городе, имеющем стену, останется навсегда у купившего его в роды его, и в юбилей не отойдет от него. ³¹ А дома в селениях, вокруг которых нет стены, должно считать наравне с полем земли: выкупать их [всегда] можно, и в юбилей они отходят... ³³ а

диции могли возникать споры о том, какой же именно год — 49 или 50-й — тот самый святой год. Кроме канонических книг Ветхого Завета понятие о юбилее отражает и ряд Апокрифов³.

Возможно, кроме библейского концепта юбилея и святого года «отпущения» на основе семилетних циклов в создании юбилейной традиции христианского Рима сыграла свою роль и историческая память об античной языческой практике празднования столетий, известной как *ludi saeculares* и упомянутой Горацием. «*Carmen Saeculare*» («Вековая песнь») сочинена Горацием к десятилетнему юбилею получения Октавианом в 27 г. до н.э. титула «Август». Вековые торжества или вековые игры предписывались Сивиллиными книгами и устраивались первоначально с целью умиловивления божеств⁴.

кто из левитов не выкупит, то проданный дом в городе владения их в юбилей отойдет, потому что дома в городах левитских составляют их владение среди сынов Израилевых; Левит, глава 27, стихи 16-25. ¹⁸ если же после юбилея посвящает кто поле свое, то священник должен рассчитать серебро по мере лет, оставшихся до юбилейного года, и должно убавить из оценки твоей;...²¹ поле то, когда оно в юбилей отойдет, будет святынею Господу, как бы поле зачатое; священнику достанется оно во владение. Числа, глава 36, стихи 1-13. ⁴ и даже когда будет у сынов Израилевых юбилей, тогда удел их прибавится к уделу того колена, в котором они будут [женами], и от удела колена отцов наших отнимется удел их.

³ Цит. по изд.: Книга Юбилеев / Введ. и рус. пер. проф. прот. А. Смирнова // 2-й вып. апокрифов Ветхого Завета. Казань, 1895. «Вот слова деления дней по закону и свидетельству, по событиям годов, по их седмицам, по их юбилеям, на все годы мира, согласно с тем, что говорил Он с Моисеем на горе Синай: «...Я возвещаю тебе на этой горе, первое и последнее, и грядущее, согласно со всем делением времени под законом и свидетельством и по седмицам юбилейных годов, до века, пока Я не сойду и не буду жить с ними от века до века»». (<http://www.krotov.info/spravki/temy/a/apokrif.html>).

⁴ Тексты Горация и русские авторизованные переводы доступны по Интернет-каналам Q. Horatii Flacci Carmen Saeculare (<http://www.horatius.ru/index.xps>; <http://www.horatius.ru/index.xps?1.0.5>): «Phoebe silvarumque potens Diana, / lucidum caeli decus, o colendi / semper et culti, date quae precamur / tempore sacro / quo Sibyllini monuere versus / virgines lectas puerosque castos / dis, quibus septem placuere colles, / dicere carmen». Интернет ресурсы содержат и комментарии к Вековой песне PORPHYRIONIS COMMENTVM IN HORATIVM FLACCVM (<http://www.horatius.ru/index.xps?9>): PHOEBE SILVARVMQVE POTENS DIANA. Hoc carmen saeculare inscribitur. Cum enim

Таким образом, можно говорить о римской и иудейской основе западной христианской традиции юбилеев. Сакральная символика половины столетия и, соответственно, сотни была известна латинскому миру средневекового христианства из разных источников⁵. На рубеже Дученто и Треченто юбилейные чаяния стали особенно ощутимы, и в 1300 г. папская булла узаконила эпоху христианских юбилеев, т. е. идею, которая уже не являлась чужеродной для сознания человека этой эпохи.

В этом пункте можно также из любопытства обратиться к утверждениям «новой хронологии», как показателю уровня бытовых представлений. Авторы этой картины истории глубоко убеждены, что научных исследований по данной теме нет, как, впрочем, и исторических источников для ее изучения: «А теперь обратимся к “античной” и средневековой истории. Может быть, там тоже есть упоминания о подобных юбилеях? Если есть, то очень интересно посмотреть — в какую именно эпоху справляли такие юбилеи в Европе?»

Сразу скажем, что в современных исторических трудах подробных комментариев о подобных юбилеях нам найти не удалось...»⁶. Сразу скажем, что упоминаний и описаний, скорее, слишком много, как всегда, когда речь идет о средневековой и ренессансной Италии. Складываются хрестоматийные топоры описания, что и таит в себе опасность. Образ имперского раннехристианского Рима и Рима Возрождения и ренессансных пап преобладают и в сознании специалиста-историка, и в восприятии поверхностно образованного читателя). Встречу двух миров — древнего имперского величия Города и роскоши Ренессанса и величия ренессансного папства — видят в традиции празднования римских юбилеев, а образ римского средневековья как будто выпадает как лишнее звено⁷.

saeculares ludos Augustus celebraret, secundum ritum priscae religionis a uirginibus puerisque praetextatis in Capitolio cantatum est.

⁵ Не удивительно также, что после того, как один из римских юбилеев был отпразднован «не в срок» — 1390 г. — толпы верующих прибыли на никем не объявленный юбилей 1400 года.

⁶ http://www.chronologia.org/xpon6/x6_05_1317.html

⁷ Неслучайно пресловутые изобретатели новых хронологий считают, что первый юбилей христианского мира был отмечен на исходе XIV в., и при этом знают не более одного «средневекового» свидетельства о юбилеях (ис-

Даже не имея никаких специальных исторических знаний, но воспользовавшись хотя бы расхожими справочными англоязычными Интернет-ресурсами, нетрудно убедиться, что представление о юбилейных годах милости и благодати существовало тогда, когда римский юбилей еще не стал реальностью христианского мира⁸. Если же обратиться к основным историографическим предпочтениям, господствующим в научной литературе, можно констатировать, что основными сюжетами исследований являются — учреждение первого юбилея, юбилеи XV–XVII вв., тема паломничеств и индульгенций.

Однако для исследователей настолько несомненно, что средневековый менталитет включал представление о 50-летнем юбилейном цикле задолго до того, как стала осуществляться практика отпущения грехов римской церковью в юбилейные годы, что среди профессиональных историков данный вопрос не дискутируется. При этом надо отметить, что в латинской христианской культуре идея юбилея ре-актуализировалась именно на исходе XIII столетия. Менталитет этого времени воскрешал идею юбилея не только в виде представления о периодически наступающем священном моменте, но в связи с усилением эсхатологических настроений и стремлением к некоему универсальному и полному отпущению грехов.

Разницу между двумя типами восприятия юбилея можно показать на хрестоматийно известных примерах. Начнем с представления о юбилее в Англии 1220 г. в эпоху прославления Фомы Бекета. Перенесение мощей святого в 50-летний юбилей со дня мученической

точник этот на самом деле принадлежит эпохе Нового времени — а именно «Лютеранский Хронограф» XVII века, напечатанный на церковно-славянском языке и описывающий всемирную историю от сотворения мира до 1680 г.).

⁸ Не странно ли, что Рунет до сих пор звучит как глас вопиющего в пустыне и одновременно напоминает фразу «впервые в советской историографии», при том, что посредством англоязычных сайтов и поисковых систем достаточно легко найти вполне вразумительный ответ по интересующему вопросу? Католическая энциклопедия в сетевом формате, как и Wikipedia, дают корректные исторические отсылки, например, отражают упоминания о юбилеях в средневековых нарративах, в частности в гимнах времен борьбы с альбигойцами (*Anni favor jubilaei /Poenarum laxat debitum./Post peccatorum vomitum/Et cessandi propositum*), а также в исторических хрониках: упоминание о юбилейном 50-летнем цикле и в хронике Альберика начала XIII в. (Pertz, MGHS, XXIII, 889).

кончины Св. Фомы Кентерберийского, в восприятии образованных современников события, не совпадение, но свершение сакрального цикла⁹. Представление о юбилее около 1300 г. для толпы римлян и пилигримов — это совсем иное: здесь призыв к празднованию юбилея равнозначен требованию отпущения грехов папой. С эпохи Треченто для предоставления возможности каждому чаду римской церкви приобрести к юбилейной благодати святые юбилейные годы стали провозглашать не однажды в столетие (как это предполагалось сначала), но раз в 50 лет, в 33 года (земная жизнь Иисуса и средний срок жизни в средневековой Европе) и затем раз в 25 лет.

Несомненно, что бытовое представление о юбилеях в современном мире обязано своим существованием именно такой трансформации идеи юбилея в христианской церковной традиции и выделения не только 50-летнего цикла, но и производных от него чисел 25 и 75, которые совершенно теряют связь с символикой семерки и семичастной основой библейского юбилейного цикла.

«Святыми» юбилейные годы на латинском Западе стали называть лишь с 1475 г. И самые роскошные празднования юбилеев связаны с периодом Высокого Ренессанса и новым усилением папства, а также новым расцветом папского Рима. Восприятие образов юбилейных лет и празднований, исторические интерпретации римских юбилеев — составляют проблему изучения Западного мира на рубеже Средневековья и Раннего Нового Времени.

Мне представляется важным заострить внимание на том, что подходы историков к традиции юбилеев в целом и к отдельным событиям юбилейной истории, например к первому провозглашению юбилея, могут быть рассмотрены в контексте как глобальной, так и локальной истории. Ведь юбилейный 1300 год, провозглашенный в апостольской столице — Риме, стал для латинского христианского мира не просто грандиозным событием, изменившим его, но объединяющей великой традицией. В то же время феномен

⁹ PL, CXC, 421. См. также [http://en.wikisource.org/wiki/Catholic_Encyclopedia_\(1913\)](http://en.wikisource.org/wiki/Catholic_Encyclopedia_(1913)): «The translation of St. Thomas of Canterbury took place in the year 1220, fifty years after his martyrdom. The sermon on that occasion was preached by Stephen Cardinal Lantron, who told his hearers that this accident was meant by Providence to recall “the mystical virtue of the number fifty, which, as every reader of the sacred page is aware, is the number of remission”».

средневекового юбилея и его восприятие современниками и потомками неотделимы от локальной римской истории.

Из заявленных нами тем исследования истории юбилеев — локальной и универсальной — наиболее распространен именно глобализирующий подход. Задачи раскрытия темы «юбилей и универсальная история», как ни странно, легче обозначить, чем перечислить аспекты римской истории, связанной с юбилеями. При этом более активно развиваемая модель восприятия, естественно, несет в себе и более весомое бремя противоречий и стереотипов.

Представления об идее юбилеев, и в частности о традиции христианских юбилеев, составляют ограниченный ряд образов, которые существуют и создаются достаточно широким популярным дискурсом и узкоспециализированной академической историографией. В школьной и энциклопедической литературе, как и в ряде научных исследований, на мой взгляд, излишне утрируются некоторые черты и почти игнорируются иные значимые моменты. Эти интерпретации пересекаются в определенных пунктах — например, в оценке юбилейных индульгенций, которые становятся узловой точкой описания. В советский период даже в серьезных исследованиях, например в комментариях к Данте, встречались одиозные определения сущности юбилеев: идея юбилейных лет низводилась на уровень политики обогащения римской курии, напрямую связывалась с практикой продажи индульгенции за деньги. В западной литературе имелись более осторожные, но также прямолинейные тезисы: именно в феврале 1300 г. было положено начало новой христианской традиции, связанной с Римом, которая возникла благодаря политике папства в период понтификата Бонифация VIII.

Принципиально важно и интересно с точки зрения исторического исследования поставить вопрос: насколько справедливо утверждение о том, что первый христианский «юбилей» был учрежден Бонифацием VIII? Не менее актуален тесно взаимосвязанный с этим вопрос о том, какую роль сыграл исторический контекст первого юбилея: атмосфера средневекового Рима накануне прихода эры юбилеев и психологический настрой тех, кто стремился испросить у папы года юбилейной благодати.

Папа Целестин, отшельник Петр Мурроне, в начале своего недолгого понтификата, пожелал дать полное отпущение грехов всем,

пришедшим в Аквилу, чтобы своими глазами увидеть нового наместника Св. Петра. Отпущение грехов 1294 года не просто предвосхитило юбилей, но и показало, насколько жаждала толпа этого чуда всепрощения и насколько радостно и легко могла воспринимать эту невиданную милость. Данный факт остается малоизвестным, интересует лишь узкую группу специалистов, а также паломников, участников месс в Аквиле.

Но традиция ведет отсчет юбилеев с 1300 по 2000 г., и «круглая дата» здесь играла свою роль. Что касается папы Бонифация, сменившего папу Целестина, то именно его хрестоматийно считают отцом римским юбилеев, разумеется, не просто потому, что его понтификат пришелся на рубеж столетий. На первый взгляд, нововведение и было обязано своим существованием инициативе этого незаурядного понтифика, всеми силами способствовавшего укреплению могущества Римской Церкви и утверждению превосходства папской власти над всякой другой. Однако булла *Antiquorum fida relati*, подводившая основание под нововведение не содержит, ни толкования, ни самого упоминания слова «юбилей». Это не дает оснований считать понтифика, изображенного Джотто в момент провозглашения юбилейной милости, единоличным инициатором ре-актуализации идеи юбилея. В названии же сочинения современника и сподвижника Бонифация, кардинала Якопо Стефанески, содержатся оба ключевых слова — «юбилей» и «столетие»: “*De Centesimo seu Jubileo anno liber*”¹⁰. Этого римлянина (что важно — отпрыска исконно римских семейств *Stefaneschi* и *Orsini*) следует считать идеологом и главным автором юбилейного проекта.

При этом ослабление папства и отсутствие понтифика в Риме (т. н. «авиньонское пленение пап» — Бонифаций, как известно, был низвергнут и умер, не вынеся осмеяния, а кардинал Якопо окончил дни в Авиньоне), как будто, должно было перечеркнуть возможность превращения новшества в последовательный ряд юбилеев в Вечном городе. Тем не менее, юбилей 1300 года не только не стал единичным событием, но положил начало традиции, которая набирала силу и сторонников, несмотря на упадок независимости и власти папства и оторванность его от Рима.

¹⁰ *Cardinal Stefaneschi. De Anno Jubileo /La Bigne // Bibliotheca Patrum, VI, 536.*

Юбилей — невиданное и необычное событие — превратилось в событие повторяющееся, а со временем — в обычай, очевидцем и участником которого может стать любой, каждое поколение христиан (именно этим мотивировалась необходимость проводить юбилеи чаще).

Христианский культ всегда был связан с городской культурой, будь то начало христианской эры¹¹ или время возникновения нищенствующих орденов на латинском Западе. Но Рим — это особый случай и особый город, точнее даже — архетип города. Многое наводит на мысль о том, что решающее значение в укоренении традиции имел сам Вечный Город, некий культ Рима, проявившийся в самосознании христианского мира в целом, и образы Рима, созданные в той или иной среде — как возникшие в сознании средневековых горожан, так и поддерживаемые имперскими или папскими притязаниями.

Весьма важным представляется анализ самоидентификации средневековых римлян, той *цивитас*, которой продолжала именовать себя римская община, а также интерпретации взаимодействия римских исторических реалий с восприятием средневекового человека, странника, впервые столкнувшегося со спрессованными веками римской истории как квинтэссенции истории романизованного мира.

Теперь, когда мы поговорили об эпохе средневековых чаяний юбилея и первого проведения юбилея, восстановив в правах средневековье как звено юбилейной традиции, важно понять, какие умонастроения, связанные с Римом, преобладали в тот период. Нет ли необходимости уточнить, что способствовало почитанию Рима в большей степени — универсалистские идеи, связанные с ним, или же римская история как таковая, запечатленная в каждой пяди римской земли, в каждом камне и повороте течения Тибра. Естественно, Рим всегда был местом поклонения, а с началом христианской эры прошел путь от оплота гонений и сопротивления новому культу до основного центра, столицы христианского мира. Вечный Город (Рим имперский, Рим могущественной папской курии, Рим — средоточие христианских и святынь) должен был стать не тем об-

¹¹ *Baldovin J. F. The Urban Character of Christian Worship: The Origins, Development, and Meaning of Stational Liturgy. Rome: Pont. Institutum Studiorum Orientalium, 1987.*

разом столицы «империи зла», которым его запечатлели ранние христианские авторы, а местом чудес и паломничества.

Путешествия и паломничества в Рим составляли особую страницу в истории средневекового христианства¹². Так, паломничества в Рим к христианским святыням, конечно, практиковались до начала Треченто, но никак не связывались с необходимостью совершать их по особым датам. Только в некоей особой точке пересечения истории церкви и истории римского паломничества встретились и наложились друг на друга представления о юбилейном святом времени и об очистительном посещении святыни. Только при этом совпадении сакральности момента и места действия паломника возник образ юбилейного Рима¹³. Особенности пилигримажа в эпоху юбилеев, изменения, коснувшиеся тех центров, через которые следовали пилигримы, а также самих форм гостеприимства, составляют особую сферу исследований, которые интенсивно развиваются в последние годы¹⁴. Эти исследования интересны для нашей темы и в той перспективе, которая показывает, насколько четким и конкретным было представление пилигрима о цели паломничества. В определенный период эти представления приобретают более четкие очертания: вместо стремления в идеальный символический центр христианского мира, путешествия, которое имело лишь мистический смысл, мы видим стремление запечатлеть в виде планов, карт и заметок исторические реалии.

Для эпохи Высокого средневековья и для начала Ренессанса в Италии понятия сакрального пространства, святых мест и тема паломничества связаны с собственно христианской традицией не так четко и прямолинейно, как это представляется на первый взгляд.

¹² *Birch D. J.* Pilgrimage to Rome in the Middle Ages: continuity and change. Woodbridge (Suffolk); Rochester (N.Y): Boydell Press, 1998; *Cahn W.* Margaret of York's Guide to the Pilgrimage Churches of Rome // Margaret of York, Simon Marmion, and the Visions of Tondal. Papers delivered at a symposium organized by the Department of Manuscripts of the J. Paul Getty Museum in collaboration with the Huntington Library and Art Collections, June 21-24, 1990. Malibu, 1992. P. 89-98.

¹³ *Hulbert J. R.* Some Medieval Advertisements of Rome // *Modern Philology*. 20. 1922–23. P. 403-424; *Cahn W.* Margaret of York's Guide...

¹⁴ Интересный пример — работа независимого венгерского исследователя, который руководит на протяжении десятилетия работой лаборатории визуальных ресурсов Центрально-Европейского Университета в Будапеште: *Szabo, Thomas*. "Le vie per Roma." *Storia dei Giubilei*, volume primo: 1300–1423. P. 70-89.

Формы паломничества в Средние века (особенно в поздний период) также нельзя свести к одной единственной модели, а осуществление миссии пилигрима было возможно наряду с другими способами удовлетворить «охоту к перемене мест», дух бродяжничества, которым жило средневековье.

С началом нового тысячелетия (с XI по XIII в. — в особенности) умножились формы небезвозмездного гостеприимства, по мере роста числа пилигримов в эпоху крестовых походов усложнились все структуры, все виды социальной коммуникации, сопутствующие жизни паломника¹⁵. Несомненно, что и эти предпосылки сыграли свою роль в увеличении масштаба паломничества, а все возрастающий поток паломников затем запускал новые механизмы обеспечения взаимодействия пилигримажа и гостеприимства в итальянских землях. При этом речь идет, разумеется, не о феномене де-сакрализации, а о более сложной взаимосвязи тех компонентов культуры, которые мы теперь расчленяем в виде понятий мирского и сакрального, но которые, однако, оставались неразделимыми в сознании средневекового человека.

Таким же двуликим, как и феномен странничества и гостеприимства, был и обличенный сакральным и мирским величием средневековый город Рим, неоднозначные образы которого неразделимо существовали в восприятии паломников. Рим, средоточие христианских святынь, демонстрировал паломникам еще и культ Города, миф Города, который был в равной степени востребован сознанием человека этого времени¹⁶. Во всяком случае, это, без сомнения, значимый образ, запечатленный, если не созданный в эпоху юбилеев. Можно смело утверждать, что востребован был образ прошлого величия Рима, а не средневековые реалии. Но важно, что именно средневековая культура сама и подготовила для себя этот образ прошлого, особый блеск величия Вечного Города, в свете которого засиял и Рим эпохи Треченто.

Свидетели святого 1300 года, великие и малые мира сего, не могли не отреагировать на это событие, вне зависимости от того, как они относились к усилению светской власти церкви и политическим инициативам папы Бонифация. При этом современники разно-

¹⁵ Peyer H. C. *Viaggiare nel medioevo*. 4 ed. Bari, 2005. P. 70-73.

¹⁶ *Le scritture del comune. Amministrazione e memoria nelle città dei secoli XII e XIII* / A cura di G. Albin. Torino, 1998.

го культурного уровня и эстетических идеалов рассматривали юбилей именно в четкой взаимосвязи с римскими реалиями и римской историей, и не только историей церковной и христианской. Данте, политический противник папы, возможно, был непосредственным участником и свидетелем юбилея, судя по точности и оригинальности использованного им в «Божественной комедии» сравнения движения паломников по мосту через Тибр и шествия грешников в Аду — 8 круг. Известно, что во избежание давки мост святого Ангела был разгорожен вдоль, и по одной его стороне народ шел к собору святого Петра, лицом к замку Ангела (Сант-Анджело), а по другой — навстречу, к холму Монте-Джордано¹⁷. Флорентиец Дж. Виллани, автор известнейшей хроники, посетил Рим в год юбилея и, по собственному утверждению, был вдохновлен этим паломничеством на историописание в духе римской истории¹⁸.

Сами люди, жившие после этой даты и бывшие очевидцами становления традиции святых лет в XIV–XVI вв. (т. е., по нашим представлениям, современники Ренессанса), скорее назвали бы свое время эпохой Юбилея, а не Возрождения. Юбилей, соответственно, ассоциируются с Возрождением и новым расцветом Рима. Ренессансный Рим — это главный образ, который существует, как в представлении рядового туриста, так и в историографии истории Рима после падения Империи¹⁹. Остается решить вопрос, что же

¹⁷ Данте. Ад Песнь 18. «Уже другая скорбь и казнь другая, /Какие в первом рву заключены. /25 Там в два ряда текла толпа нагая; /Ближайший ряд к нам направлял стопы, /А дальний — с нами, но крупней шагая. /28 Так римляне, чтобы наплыв толпы, /В год юбилея, не привел к затору, /Разгородили мост на две тропы, /31 И по одной народ идет к собору, /Взгляд обращая к замковой стене, /А по другой идут навстречу, в гору».

¹⁸ См.: La Nuova Cronica di Giovanni Villani (IX, 36): “E trovandomi io in quello benedetto pellegrinaggio ne la santa città di Roma, veggendo le grandi e antiche cose di quella, e leggendo le storie e' grandi fatti de' Romani, scritti per Virgilio, e per Salustio, e Lucano, e Paulo Orosio, e Valerio, e Tito Livio, e altri maestri d'istorie, li quali così le piccole cose come le grandi de le geste e fatti de' Romani scrissono, e eziandio degli strani dell'universo mondo, per dare memoria e esempio a quelli che sono a venire presi lo stile e forma da'lloro, tutto sì come piccolo discepolo non fossi degno a tanta opera fare... E così negli anni MCCC tornato da Roma, cominciai a compilare questo libro a reverenza di Dio e del beato Giovanni, e commendazione della nostra città di Firenze”.

¹⁹ Stinger, Charles L. The Renaissance in Rome. Bloomington: Indiana University Press, 1998; Partner, Peter. Renaissance Rome 1500–1559, Berkeley:

было исторически первичным в связке Рим — юбилей — Ренессанс? Юбилеи ли способствовали возвышению Рима или Рим породил христианскую традицию юбилеев?

Может быть, новая мода на античную историю привлекла внимание к Вечному городу и воплотила в роскоши столицы папства эстетические потребности ренессансного человека? Ведь именно в эти века не существовало эстетического диссонанса между вкусовыми предпочтениями церкви и горожан Рима, по крайней мере, между вкусами представителей римских кардиналов и элиты общины, которые и выступали обычно в качестве заказчиков. С другой стороны, такое согласие, не только не удивительно, но просто закономерно, если проследить историческую близость римского папства и римского нобилитета.

Символические репрезентации важны для любой городской общины, для городской культуры Средневековья в целом. Но Рим — Вечный город был определенной моделью, архетипом городской жизни. Для подтверждения права и статуса *цивитас* необходимо было доказать, что средневековая община является наследницей древней традиции и славы. В этом смысле возрождение празднований, подобных античным, могло приобретать и особую ценность для формирования римской идентичности новой эпохи. И папство, и городская община не упускали случая подчеркнуть преемственность с былой славой Рима. В какой-то мере обе стороны имели моральное право на древнеримское наследие, ибо и Город, и Церковь не дали погибнуть многому из античного богатства, причем не только материального, но и идейного.

В 1300 г. Бонифаций, папа из рода Каэтани, как представитель аристократии Римской провинции, образованный и ученый деятель церкви, смог осознать и совместить в великом проекте римских юбилеев чаяния пилигримов и римлян с риторикой власти, слить в едином образе прошлое и будущее Вечного города. Несмотря на крах самого Бонифация, после «авиньонского пленения» идея юбилеев воплотилась в жизнь, поскольку соответствовала менталитету эпохи. Оставались, однако, вариативные возможности использования этой идеи, в частности, совместно с идеей нового возвеличения Рима. Эта тенден-

University of California Press, 1976. (Хотя работа Партнера посвящена XVI столетию, в своем Введении он касается XV века); Partridge, Loren. The Art of Renaissance Rome, 1400–1600. New York: Harry N. Abrams, 1996.

ция и была воплощена в продолжении традиции юбилеев Треченто. Юбилейные празднества в эпоху Ренессанса, начиная с Кватроченто, происходили на фоне усиления папства в Италии.

Да, нельзя забывать о том, что риторика и аллюзии, связанные с образом Вечного Города, не побудили коммуны Италии или хотя бы соседние общины римской округи добровольно предоставить пальму первенства средневековому Риму и объединиться под его началом. Но та взаимосвязь противоречивых черт, которую мы проследили, была для средневекового сознания образом Рима, неразделимым космосом мирских и сакральных основ городского величия.

С другой стороны, юбилей — необычайно важный инструмент создания западно-христианской идентичности, в которой Рим является универсалистской идеей и никак не воспринимается на уровне конкретной локальной истории. Необходимо проследивать обе эти логики, не смешивая между собой разнородные дискурсы, но понимая, что в сознании средневекового человека эти противоречивые для нас модели восприятия юбилея должны были существовать, так сказать, нераздельно и неслиянно.

В настоящий момент, учитывая особенности историографической традиции, можно сформулировать следующий вывод: история христианских римских юбилеев анализировалась в основном в связи с проблемой паломничества или феноменом продажи индульгенций, т. е. рассматривалась извне — с точки зрения пилигрима или с позиции протестантского раскола. Для сбалансированности исследовательских стратегий и создания более гармоничной исторической картины феномена юбилеев необходимо уделять больше внимания этой проблеме в контексте локальной, т. е. римской истории. Такой микро-исторический и локальный ракурс, включающий не только более тщательные реконструкции фактуры юбилейных событий, но и интерпретации представлений и менталитета римлян эпохи начала юбилеев, анализ символических репрезентаций Рима и его общины, всей христианской общины с центром в Риме, преломления сакрального действия — юбилейного отпущения грехов в особой среде — сакральном пространстве Вечного Города с его символами и атрибутами. Такой подход становится все более актуальным: распространение знания, сфокусированного на исторической конкретике, позволяет избежать — хотя бы частично — исторических спекуляций, основанных на универсалистском подходе к истории юбилеев.

К ЮБИЛЕЮ ИОГАННА ГУСТАВА ДРОЙЗЕНА

И. М. САВЕЛЬЕВА, А. В. ПОЛЕТАЕВ

«ВОЗВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ В РАНГ НАУКИ»

В этом году исполнилось 200 лет со дня рождения великого немецкого историка Иоганна Густава Дройзена. Впрочем, Дройзен был не только историком, но и классическим филологом (ему принадлежат переводы Эсхила и Аристофана), философом (развивавшим идеи философии истории) и политиком (член Франкфуртского парламента во время революции 1848 года). Одни называют его имя вслед за основателем научной исторической школы Леопольдом фон Ранке, другие связывают его с классиками немецкой философии Иммануилом Кантом и Георгом Гегелем, третьи помнят о вкладе Дройзена в решение так называемого «немецкого вопроса»¹. Многоликость нашего героя имеет, однако, некоторые общие черты (единство в многообразии), определяющие творческий образ Дройзена. Среди них — отчетливая причастность немецкой традиции (немецкость), вкус к теоретическому поиску и активность, выраженная как в научных, так и в политических пристрастиях и баталиях. И все-таки прежде всего Дройзен — историк, но и как историк он вездесущ. Он оставил работы на очень разные и далекие друг от друга темы, притом писал их годами и томами, как и было принято у немцев в те времена. Наряду с изучением политической истории, что сближало его с большинством известных историков-современников, он много лет отдал разработке теоретического курса «о природе и задаче, методе и компетенции» исторической науки², создав совре-

¹ Можно упомянуть и другие ряды, в которых Дройзен оказывается среди весьма почтенных философов и ученых, например: Шлейермахер, Гумбольдт, Бёк, Дройзен в связи с герменевтикой. См.: *La Naissance du paradigme hermeneutique: Schleiermacher, Humboldt, Boeckh, Droysen* / Eds. A. Laks, A. Neschke. Lille: Pu du septentrion. 1995.

² *Дройзен И. Г. Очерк истории [1858] // Дройзен И. Г. Историка*. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 449-501. (С. 452). Далее: *Дройзен. Очерк...*

менную теорию исторического знания, все еще сохраняющую актуальность. И сделал это первым, оставив всем нам призыв: «ищите методы».

Пользуясь юбилейным поводом, мы хотим привлечь внимание читателя к *теоретическим* текстам Дройзена, его мыслям и формулам и показать, что удивительным образом в некотором смысле он по-прежнему находится на передовых рубежах исторической науки, при том что далеко не все историки даже сегодня достигают этих рубежей.

«Универсальный историк»

Иоганн Густав Бернхард Дройзен родился в Трептове (Померания) в 1808 г., умер в Берлине в 1884 г. Его первым детским воспоминанием был звук пушек, возвестивших взятие Парижа союзными армиями. Поступив в 1826 г. в Берлинский университет, Дройзен совершенно в духе интересов своего времени изучал литературу и историю Древней Греции, а его первым и очень значимым достижением были переводы Эсхила и Аристофана, которые стоят в одном ряду с переводами на немецкий Гомера, сделанными Иоганном Генрихом Воссом в конце XVIII века.

С 1833 г. Дройзен выступает уже с крупными историческими работами, публикуя «Историю Александра Великого», а затем два тома «Истории эллинизма» (1836–1843)³, которые составили ему репутацию известного специалиста по античности. Дройзен с удивительной для молодого ученого (ему нет еще 30-ти лет) смелостью ввел в научный оборот термин «эллинизм», охарактеризовав так историческую эпоху в истории стран Восточного Средиземноморья от походов Александра Македонского (334–323 гг. до н. э.) до завоевания этих стран Римом, завершившегося в 30 г. до н. э. подчинением

³ Обе работы изданы на русском в переводе с авторизованного Дройзеном французского издания 1883–1885 гг., содержавшего дополнения по сравнению с немецким вариантом. В русском 3-томном издании обе работы объединены под общим названием «История эллинизма»: Дройзен И. Г. История эллинизма. В 3-х т. / Пер. с фр. М.: К. Т. Солдатенков, 1890–1893 [1833–1843]. В 1997–1999 гг. эта работа была переиздана в издательстве «Наука» (СПб.), в 2003 г. — в издательстве «Эксмо» (Москва). Первый том русских изданий содержит «Историю Александра Великого», 2-й и 3-й тома — 1-й и 2-й тома собственно «Истории эллинизма» под названием «История диадохов» и «История эпигонов».

Египта. В этом смысле его заслуженно можно поставить в один ряд с «изобретателем» «Средних веков» Христофором Келлером (Целлариусом) и создателями концепции «Ренессанс» Жюлем Мишле и Якобом Буркхардтом. Дройзен назвал эллинизм *новым временем* античности, обозначив этим понятием эллинистическую, т.е. не чисто эллинскую, а смешанную с восточными элементами культуру, формирование которой было обусловлено распространением политического господства эллинов (греков и македонян) на восточные страны⁴. С тех пор ведущие специалисты по античному миру много спорили о содержании и географических границах эллинистического мира, но сам термин прочно утвердился в исторической науке.

Когда в 1836 г. Дройзен стал экстраординарным профессором по кафедре древней истории и классической филологии в Берлинском университете, казалось, что путь его вполне определен, но приглашение в Кильский университет в 1840 г. радикально изменило его профессиональную ориентацию, да и жизнь в целом. Однако прежде чем последовать за Дройзеном в Кильский, Йенский и вновь в Берлинский университеты, зададимся более общим вопросом: *что значило быть признанным историком в середине XIX века*, и в какой мере Дройзен соответствовал «идеальному типу» историка своего времени?

На середину XIX века приходится пик популярности исторической литературы и исторической профессии. Именно в этот период, как никогда прежде или впоследствии, историков любила, читала и слушала публика. И не только слушала, но и прислушивалась к их мнению. Характеризуя исключительное положение представителей своей профессии в этот период, французский историк Анри-Ирене Марру писал:

«Историк стал королем, вся культура подчинялась его декретам: история решала как следует читать “Илиаду”; история решала, что нация определила в качестве своих исторических границ, своих наследственных врагов и традиционной миссии... Под объединенным влиянием идеализма и позитивизма идея про-

⁴ Анализ взглядов Дройзена на философию истории (исторического процесса) в связи с его концепцией эллинизма см. в: *Rüsen J. Begriffene Geschichte. Genesis und Begründung der Geschichtstheorie Johann Gustav Droysens*. Paderborn: Schöningh, 1969.

гресса была навязана в качестве фундаментальной категории... Владеющий секретами прошлого историк, как генеалог, обеспечивал человечество доказательствами знатности его происхождения и прослеживал триумфальный ход его эволюции. Только история могла дать основания для доказательства осуществимости утопии, показывая, что она... укоренена в прошлом»⁵.

Преуспевающий историк нередко сочетал увлечение классической древностью с активным участием в создании национального прошлого, интерес к политической истории — с политической ангажированностью, публичность — с «ученостью». Значимы и самые имена европейских историков — современников Дройзена: кажется, количество известных представителей истории в XIX в. сильно превышает число сопоставимых по известности историков века XX-го. Одно из определений XIX столетия — «век истории» — в большой степени следует отнести к заслугам выдающихся историков того периода.

В XIX в. история была поставлена на службу государству, и многие известные историки занимали высшие государственные должности. В Англии ведущие представители исторического цеха (Арчибалд Алисон, Генри Галлам, Томас Маколей) активно влияли на политическую жизнь, конструируя прошлое, основанное на концепциях «виггов» и «тори». Еще более показателен пример Франции середины XIX в., где два популярнейших историка, Луи-Адольф Тьер и Франсуа Гизо, возглавляли соперничающие политические партии, а затем их «сбросили» другие историки — Луи Блан, Алексис де Токвиль и Наполеон III⁶. В Германии в это время концепцию национальной истории создавала малогерманская школа, крупнейшие представители которой были видными политиками (Георг фон Зибель, Генрих фон Трейчке, да и Дройзен).

С переходом на службу в Кильский университет завершается первый этап научной карьеры Дройзена, и по существу изучение эллинизма отступает на задний план (хотя и в Киле, и впоследствии в Йене и Берлине он регулярно читал лекции и вел семинары по

⁵ *Marrou H.-I.* De la connaissance historique (Sixième édition, revue et augmentée). Paris: Editions du Seuil, 1954. P. 11.

⁶ *Зелдин Т.* Социальная история как история всеобъемлющая [1976] // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 154-162. (С. 157).

древней истории, а в последние годы жизни написал несколько статей по истории Древнего мира)⁷.

С 1840-х годов новая и главная сфера его интересов — политическая история Германии. Лекции по эпохе освободительных войн, прочитанные в 1842–1843 гг. и опубликованные в 1846 г., последовательно развивают идеи свободы и национальной независимости⁸. Основными главами эпопеи освобождения в интерпретации Дройзена становятся Американская и Французская революции, а также борьба Пруссии против Наполеона. Одна из важнейших тем научного творчества Дройзена — проблема объединения Германии, в решении которой он, как представитель малогерманской школы историографии, занимал позицию сторонника «прусского» варианта⁹. Впрочем, не только история интересует в это время профессора. Начинается период бурной политической активности в жизни Дройзена, что вполне соответствовало духу времени. С 1844 г. Дройзен участвовал в антидатском национально-освободительном движении в Шлезвиге и Гольштейне; в 1848–1849 гг. был членом Франкфуртского парламента.

Политически весьма деятельный Дройзен навсегда покидает поле практической политики в 1851 г. Впоследствии он продолжал внимательно следить за воплощением проекта объединения Германии вокруг Пруссии, но со стороны. Однако если французский историк Огюстен Тьерри, пережив опыт революции 1848 года, ушел из исторической профессии и больше уже не писал, а другой французский историк, Франсуа Гизо, тогда же радикально пересмотрел свои взгляды, то Дройзен, переехав из Киля в Йену, а затем в Берлин, спокойно продолжал работать над сочинением «История политики Пруссии». Он уже не искал, как в 1830-е годы, аналогий между объ-

⁷ Эти статьи были опубликованы в: *Droysen J. G. Kleine Schriften zur alten Geschichte*. 2 Bde. Leipzig, 1893–1894.

⁸ *Droysen J. G. Vorlesungen über die Freiheitskriege*. 2 Bde. Kiel: Universitäts-Buchhandlung, 1846.

⁹ Впрочем, как отмечал Бенедетто Кроче, и в работах по античной истории «Дройзен облакает свою тягу к сильному централизованному государству в форму истории Македонии — своего рода древнегреческой Пруссии» (Кроче Б. Теория и история историографии / Пер. с итал. М.: Языки русской культуры, 1998 [1917]. С. 23). До сих пор эта проблема остается одной из центральных в историографии по «античному» наследию Дройзена.

единением Греции Филиппом II и объединением Германии, хотя во втором издании книги об Александре Македонском (1877 г.) эта связь была подчеркнута еще сильнее, чем в первом. Считая объединение Германии долгом Пруссии, Дройзен рассматривал свое исследование как важное подспорье в решении актуальных политических задач и писал историю Пруссии как предысторию грядущей Единой Германии, отдав этой задаче более 30-ти лет жизни (первая книга этого 14-томного труда вышла в 1855 г, последняя — в 1886 г., уже после смерти автора). Как отмечает Йорн Рюзен,

«конструкция Дройзена с помощью документов обосновывала единство политики и исторической науки, что было типично для эпохи буржуазных революций в Германии. История служила для него одновременно отправной точкой и для научного исследования, и для политической практики...»¹⁰.

Работа над историей Пруссии проявила одну (далее мы покажем, что не единственную) линию идейного, точнее идеологического, разрыва Дройзена с Ранке. Ранке в своих работах стремился к беспристрастности и достигал ее (что неоднократно отмечали его современники — коллеги и читатели). Дройзен, напротив, не скрывал своих политических целей и был щедр на моральные оценки. Его отношение к позиции Ранке передает избыточно резкий тон пассажа в одном из личных писем, написанных в середине 1850-х годов:

«Он [Ранке] со всей его трусливой интеллигентностью принадлежит как раз к современному берлинскому сброду; в нем нет и следа нравственной ярости, возвышенности убеждений; и отсюда проистекает то, что, когда кто-либо прочтет его книгу, он чувствует, что стал умнее, но не лучше, и он заканчивает это занятие не с новым благим порывом или с просветленным взглядом и расправленными плечами, а всего лишь с изумлением перед такой массой ума, знания и искусства»¹¹.

¹⁰ *Rüsen J. Politisches Denken und Geschichtswissenschaft bei J. G. Droysen // Politische Ideologien und nationalstaatliche Ordnung. Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Festschrift für Theodor Schieder / Hgg. K. Kluxen, W. J. Mommsen. München: R. Oldenbourg, 1968. S. 171-187. (S. 171).*

¹¹ Цит. по: *Крист К. Иоганн Густав Дройзен (1808–1884) [1972] // Дройзен И. Г. История эллинизма. В 3-х т. / Пер. с франц. СПб.: Наука, 1997–1999 [1833–1843]. Т. 1. С. XIII. Здесь и далее цитаты из русских переводов работ Дройзена даются с незначительной стилистической правкой.*

Впрочем, раздраженный тон этого письма не должен вводить в заблуждение — Дройзен очень высоко ценил труды Ранке и неоднократно приводил их в пример в качестве образцовых сочинений¹².

«История политики Пруссии», будучи на тот момент одним из высочайших достижений немецкой исторической науки (немногие работы даже немецких историков основывались на таком количестве нового документального материала, правда, почерпнутого почти исключительно в прусских архивах), по разным причинам не была принята ни публикой, ни коллегами по историческому цеху. Публике, и не без оснований, это сочинение Дройзена, в отличие от других, показалось скучным, а историкам — пристрастным даже по критериям того политически ангажированного века¹³.

Таким образом, если как создатель концепции эпохи «эллинизма» Дройзен входит во все исторические энциклопедии и исследования по соответствующей тематике, то изучение политики Пруссии не создало ему славы даже при жизни. Такова судьба второго научного проекта Дройзена.

Нас же более всего интересует третий, не завершённый, проект Дройзена, получивший название «историка» [die Historik].

«Ищите методы»

«Мы должны искать методы. Ибо для исследования разных проблем требуются разные методы». Этот призыв Дройзена, прозвучавший в 1864 г., в известной мере отмечает начало нового этапа дискуссии об историческом методе.

Обратим внимание на то, что *история* методологии истории довольно длинна. Истоки ее обнаруживают в античности у Дионисия Галикарнасского и Лукиана из Самосаты. В Новое время становление современных представлений об историческом знании началось в середине XVI века именно с написания разнообразныхopusов о «методе». Если за предшествующие две тысячи лет о понятии «история» в значении знания было написано несколько десятков абза-

¹² См. напр.: Дройзен И. Г. Энциклопедия и методология истории [1936 посм./1857] // Дройзен И. Г. Историка. С. 144-145. Далее: Дройзен. Энциклопедия...

¹³ Gooch G. P. History and Historians in the Nineteenth Century. L.; N. Y.; Toronto: Longmans, Green and Co., 1928 [1913]. P. 140.

цев, то теперь за одно столетие — несколько десятков *трактатов*, специально посвященных проблемам методологии истории. Достаточно сказать, что в 1579 г. Иоганн Вольф из Базеля издал собрание работ по методологии истории «Сокровищница исторического искусства», включавшее 18 текстов, из которых 16 были созданы в XVI в. (кроме того, туда были включены работы Дионисия Галикарнасского и Лукиана)¹⁴. Обсуждение проблем методологии истории активно продолжалось вплоть до первых десятилетий XVII в. Формирование представлений об «историческом» было «коллективным предприятием», в котором участвовало множество мыслителей начала Нового времени. Одним из важнейших сочинений в этой области по праву считается трактат Жана Бодена «Метод легкого написания истории» (1566). Весьма существенную (хотя не вполне положительную) роль в формировании представлений об историческом методе сыграл и труд Фрэнсиса Бэкона «О достоинстве и приумножении наук» (1623)¹⁵.

Процесс выработки исторического метода, начавшийся во второй половине XVI в., уже в начале следующего столетия фактически прервался, и новая волна интереса к методологическим проблемам возникла лишь во второй половине XIX в., в связи со становлением истории как самостоятельной дисциплины. В этот же период формируются другие общественнонаучные дисциплины — экономика, социология, психология, этнология, которые раньше были в большей или меньшей степени растворены в философии общества. Самоопределение истории в ходе «распада» достаточно единого до той поры знания об обществе, помимо прочего, означало отчетливую специализацию по времени. В последней трети XIX в. история в качестве отдельной области научного знания становится знанием о *прошлой* социальной реальности, в то время как другие общественные науки концентрируются преимущественно на анализе *настоящего*. Превращение истории в науку и ее специализация сопровождались рефлексиями по поводу специфических для этой дисциплины

¹⁴ Заметим, что это было уже второе издание компендиума, подготовленного Вольфом — первое было выпущено в 1576 г. и включало 12 трактатов.

¹⁵ Подробнее см.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: Теория и история. В 2-х т. Т. 1: Конструирование прошлого. Т. 2: Образы прошлого. СПб.: Наука, 2003–2006. Т. 1. С. 42 и далее.

правил и конвенций, принимаемых профессиональным сообществом, которые и именуются «научными методами».

В XIX в. история обретает полноценный академический статус и научную организацию: кафедры, факультеты, общества, дипломы. Так, хотя первые самостоятельные кафедры истории были учреждены в Берлинском университете в 1810 г. и в Сорбонне в 1812 г.¹⁶, в Англии, например, первые кафедры истории появились только в 1860-е годы (в Оксфорде в 1866 г. и в Кембридже в 1869 г.). Точно так же, хотя уже в конце XVIII – первой половине XIX в. во всех европейских странах издавалось множество исторических периодических изданий (только в Германии в 1790 г. их было 131)¹⁷, первые *профессиональные* национальные исторические журналы появляются лишь во второй половине XIX в.¹⁸

В отличие от многих своих европейских коллег, немецкие историки уже с начала XIX века работали в университетах, и это явилось важной предпосылкой ранней сциентизации исторического знания в Германии. Немецкая историческая школа прежде других национальных европейских историографий пришла к «научной» форме репрезентации прошлого. Те немецкие историки, которые работали в русле аналитической, а не романтической истории, ставили задачу создания «истинной картины» прошлого, неважно, универсальной или локальной. Они очень серьезно относились к историческому труду и профессии историка и вели бесконечные дебаты о специфике и задачах исторической науки. Последнее было подмечено не без сарказма еще Георгом Гегелем:

«Англичане и французы знают в общем, как следует писать историю: они более сообразуются с общим и национальным уровнем культуры; у нас же всякий стремится придумать что-нибудь

¹⁶ Если не считать открытую в 1504 г., но просуществовавшую всего несколько лет, кафедру истории в университете Майнца (*Гене Б.* История и историческая культура средневекового Запада / Пер. с фр. М.: Языки славянской культуры, 2002 [1980]. С. 42) или основанную Уильямом Кемденом в начале 1620-х годов кафедру истории в Оксфордском университете, которая также перестала существовать после его смерти в 1623 г.

¹⁷ *Wittram R.* Das Interesse an der Geschichte // *Die Welt als Geschichte.* 1952. Bd. XII. H. 1. S. 1.

¹⁸ «Historische Zeitschrift» (1859) в Германии, «Русская старина» (1870) в России, «Révue historique» (1876) во Франции, «Rivista storica italiana» (1884) в Италии, «English Historical Review» (1886) в Англии, «American Historical Review» (1895) в США.

особенное, и, вместо того чтобы писать историю, мы всегда стараемся определить, как следовало бы писать историю»¹⁹.

Тем не менее именно немцы создали «школу» исторического исследования, оставили после себя огромный массив опубликованных и проанализированных документов и множество исторических сочинений, если не читаемых, то почитаемых до сих пор.

Стремление следовать научной модели знания позволило немецким историческим школам во второй половине XIX в. занять лидирующие позиции в историческом знании, вписаться в позитивистскую конструкцию и стать «образцом» европейской историографии, которому сознательно следовали иные национальные школы (русская, американская и др.). А установленные немцами критерии научности, связанные с отношением к источнику, радикально изменили характер исторических исследований, став признаком профессиональной культуры любого ученого-историка.

Дройзен, безусловно, относится к выдающимся представителям немецкой исторической школы, но, в отличие от Ранке и его последователей, он не только реализовывал новую научную методологию на практике, но и активно размышлял об историческом методе. Уже в Предисловии ко второму тому «Истории эллинизма», опубликованному в 1843 г. всего в нескольких экземплярах (в остальных экземплярах этого издания присутствовал только первый абзац предисловия с посвящением Юстусу Ольсгаузену)²⁰, он говорил о недостатке в исторических штудиях собственно исторической теории при избытке историософии. Он писал, что история, именем которой иногда называют XIX столетие, как наука все еще не находит своей «жизненной точки» и по-прежнему заимствует ее то в философии истории, то в теологии истории, и бог весть, где еще.

«Пожалуй нет научной области, столь далекой от того, чтобы быть теоретически обоснованной, знающей свой предел, струк-

¹⁹ Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Пер. с нем. СПб.: Наука, 1993 [1837 посм.]. С. 60.

²⁰ Юстус Ольсхаузен (Justus Olshausen) (1800–1882) — немецкий востоковед и филолог, профессор Кильского университета. Так же как и Дройзен, в 1852 г. был вынужден покинуть университет за антидатские настроения. В том же году получил должность профессора восточных языков в Кёнигсбергском университете в Пруссии. С 1860 г. — член Прусской академии наук.

турированной, как история; за виртуозностью своей техники и огромным накопленным материалом, за умышленной дерзостью публицистики и легковесным дилетантизмом философии наука, кажется, забывает, чего она лишена... Нам требуется такой как Кант, который бы пересмотрел не исторические материалы, а теоретическое и практическое отношение к истории...»²¹.

Чтобы оценить по достоинству дерзания Дройзена, читатель должен сделать интеллектуальное усилие и перенестись в середину XIX в. В лекционном курсе, который он неоднократно читал студентам Берлинского университета с 1857 по 1883 г., Дройзен отвечал на «исторический вопрос» *своей* эпохи. Насколько данные им ответы опередили время, может понять только специалист (историк скорее, чем философ, ибо прорыв был совершен именно в области интерпретации природы исторического знания). Для того чтобы обрисовать диспозицию (основные подходы к трактовке исторического знания и их соотношение) на тот момент, когда Дройзен приступил к чтению курса, лучше всего привести его собственные слова. Нам неизвестно, чтобы кому-то еще, даже и в последующих поколениях, удалось столь кратко и одновременно исчерпывающе подвести итоги дискуссий об историческом знании, начатых еще в XVIII в. и продолжавшихся при Дройзене.

В речи, произнесенной при вступлении в Берлинскую Академию наук в 1868 г., он отметил, что с древних времен над историей «тяготеет предвзятое мнение, что она представляет собой занятие, лишенное метода (*ἀμέθοδος ἔλξη*), равно как и господствующее в классической античности представление, что она относится к области риторики». Это представление, по его словам, вновь возродилось в тезисе, что история является одновременно и наукой, и искусством²² (сколько еще раз впоследствии воспроизведется этот тезис!). В то же время Дройзен выступал против сведения истории к эмпирической работе, призванной лишь поставлять материал для философов:

²¹ Дройзен И. Г. Теология истории (Предисловие ко 2-му тому «Истории эллинизма») [1843] // Дройзен И. Г. Историка. С. 505-525. (С. 516).

²² Дройзен И. Г. Речь, произнесенная при вступлении в Берлинскую Академию наук [1868] // Там же. С. 574-580 (С. 576). Далее: Дройзен. Речь...

«Достоправная гёттингенская историческая школа²³ прошлого столетия, хотя и не первая, попыталась сделать систематический обзор области истории и развить ее научный метод, и с ее стороны не было недостатка в наименованиях и изобретательных различиях. Например, в наш обиход вошли от нее такие рубрики и дистрикции, как всемирная история, всеобщая история, история человечества, исторические элементарные и вспомогательные науки. Однако метод, которому она учила, был лишь техникой исторической работы; и воспринятое ею выражение Вольтера “философия истории” было как бы приглашением, адресованным философии»²⁴.

Наконец, Дройзен вступал в открытую полемику с тогдашней «философией истории». Он говорил (это существенно с точки зрения современных дискуссий о характере исторического знания), что если бы философы взяли на себя только обоснование исторического процесса *познания* (курсив наш. — И. С., А. П.), то это «в высшей степени заслуживало бы благодарности». Но философы занялись и созданием субстанциальной философии истории, разработкой концепций исторического *процесса*, что привело к довольно плачевным последствиям для исторической науки.

«В одной системе... был сконструирован общий исторический труд всего рода человеческого как самодвижущаяся идея. В другой же системе учили об этом самом общем труде человечества, что “всемирная история, собственно говоря, есть только случайная конфигурация и не имеет метафизического значения”. С третьей стороны, требовали в качестве научной легитимизации нашей науки, обозначая как ее задачу, нахождение законов, по которым движется и изменяется историческая жизнь. Ей рекомендовали заимствовать норму из географических факторов и “первозданной естественности”; в связи с так называемой “позитивной философией” была сделана весьма привлекательная попытка “возвести” историю, как заявляли, “в ранг науки”»²⁵.

²³ Основатель гёттингенской исторической школы XVIII в. — Август Людвиг Шлёцер (1735–1809). С 1765 г. — ординарный профессор истории Петербургской Академии наук, с 1769 г. — профессор Гёттингенского университета. Его историографическая концепция изложена в работе «Понятие всеобщей истории» (*Schlözer A. L. von. Vorstellung Seiner Universal-Historie. 2 Bde. Göttingen / Gotha: Dieterich, 1772–1773*).

²⁴ Дройзен. Речь... С. 577.

²⁵ Там же.

Имена Георга Гегеля, Огюста Конта, Генри Бокля и других известных архитекторов философии истории легко прочитываются в резюме Дройзена, равно как и его отношение к подобным взглядам на прошлое и научное знание о нем.

Результаты исследовательской деятельности самого Дройзена в области теории истории по содержанию и последствиям следует интерпретировать уже в контексте того этапа в развитии исторической науки, который в целом может быть охарактеризован как господство позитивистской историографии. Облик исторической науки второй половины XIX-го, а во многом и первой половины XX в., очень заметно изменился под влиянием позитивистского подхода, представители которого, с одной стороны, много сил приложили к отделению истории от философии, но с другой — передоверили задачи исторического анализа социальным наукам, сделав уделом историка сбор эмпирического материала.

Понятно, что подобные усилия не реализовались полностью, и были историки, которые вели борьбу за суверенность своей дисциплины в противовес контовско-спенсеровскому «натурализму», стремившемуся превратить историю в придаток социологии с ее «объясняющими законами». Фигура Дройзена — одна из первых и по времени, и по значению в отнюдь не длинном ряду методологов истории. Примечательно, что, будучи, безусловно, философствующим историком, Дройзен оказался одновременно и одним из первых теоретиков только возникающей исторической науки. Свою задачу он видел в том, чтобы обеспечить методологическую автономию истории как самостоятельной научной дисциплины, сделать исследовательский процесс независимым от религиозной, философской или естественнонаучной картины мира.

«Во все времена спекуляция, как теософская, так и философская, пыталась играть главную роль в областях, принадлежащих истории, и уж тем более в областях природы... Но едва наша наука вышла из-под власти философии и теологии — большая заслуга XVIII в. — как пришли естественные науки, возжелавшие овладеть ею и опекать ее. Точно так же, как полвека назад философия... надменно говорила: лишь философия — наука, а история постольку наука, поскольку умеет быть философичной, — так и теперь естественные науки говорят: наука лишь то, что движется

на основании естественнонаучного метода, и к ним присоединяется так называемая позитивная философия Конта и Литтре...»²⁶.

Неудовлетворенный в разной мере и по разным основаниям всеми этими подходами Дройзен видел задачу историков своего времени (и в первую очередь свою собственную задачу) в том, чтобы обобщить имеющиеся в распоряжении историков «методы, объединить их в систему, разработать их теорию и таким образом установить не законы истории, а только законы исторического процесса познания и знания»²⁷ (курсив наш. — И. С., А. П.). Не Бокль возвел историю в ранг науки, а Дройзен.

Значение теоретических работ Дройзена состоит еще и в том, что в данном случае к вопросам методологии обращался именно историк. Для нас это решающий пункт, поскольку у Дройзена речь идет не о поисках общенаучного метода или пусть даже метода всех наук о культуре, как впоследствии будет у Вильгельма Дильтея или Генриха Риккерта, а о попытке определить метод науки-истории.

«Историка»

Свою теорию исторической науки Дройзен именовал «историкой» или «наукоучением истории»²⁸. По словам известного специа-

²⁶ Дройзен. Энциклопедия... С. 59-60. Эмиль Литтре (Émile Maximilien Paul Littré) (1801–1881) — французский философ-позитивист и филолог, член Французской академии (1871). Ученик и последователь Огюста Конта, дополнил его учение о трёх стадиях развития человечества понятием четвёртой стадии — техники. Вместе с Григорием Николаевичем Вырубовым (1843–1913) основал и издавал журнал «La philosophie positive» (т. 1–26, 1867–1881). В качестве филолога известен как автор «Истории французского языка» (т. 1–2, 1863) и «Словаря французского языка» (т. 1–4, 1863–1872).

²⁷ Дройзен. Очерк... С. 578.

²⁸ Здесь и далее, следуя Дройзену, «историкой» мы будем называть его концепцию, сформулированную как в «Энциклопедии и методологии истории», так и в «Очерке историка». Термин «историка» (Historik) заимствован Дройзену у немецкого историка Георга Готфрида Гервинуса, который обозначал им теоретические представления об истории как реальности и истории как науке (*Gervinus G. G. Grundzüge der Historik. Leipzig, 1837*). В действительности по своему содержанию он является синонимом методологии (*Methodologie, Methodenlehre*), которым Гервинус не пользовался, но это слово уже входило в лексикон историков для обозначения области теоретических проблем. В 1910-е годы русский историк Николай Иванович Кареев использовал термин «истори-

листа по историографии Эрнста Брейзаха, теория Дройзена

«...являет собой лучшее и наиболее полное выражение немецкой исторической теории XIX в., которой Ранке никогда не написал, и которая... стала первой линией обороны в борьбе со сторонниками историографии, организованной по подобию естественных наук»²⁹.

Остается только сожалеть, что давно всеми забытая «История политики Пруссии» заняла (и отняла) последние 30 лет жизни великого историка. Примерно столько же лет (с 1857 г.) он читал курс «Энциклопедия и методология истории», названный по образцу курса лекций Августа Бёка «Энциклопедия и методология филологических наук», который Дройзен прослушал в молодости. Писать одновременно две книги ему было просто некогда, и лекции остались неизданными (хотя имеются свидетельства того, что он задумывался об их издании)³⁰. При жизни ученого свет увидела только небольшая брошюра «Очерк историки», написанная в виде тезисов специально для слушателей курса. Впервые изданная на правах рукописи в 1858 г., она оказалась востребованной и трижды переиздавалась (в 1862, 1875 и 1882 гг.). Эрих Ротхакер в 1925 г. включил «Очерк историки» в первый том своей серии «Философия и гуманитарные науки», назвав ее «самым гениальным введением в историческую науку из всех, какие у нас есть»³¹. Как писал в 1922 г. Эрнст Трельч, в этой брошюре были

«...затронуты все новейшие понятия, связанные с логикой истории: понятие исторического времени; понимание в противоположность объяснению; преобразование, но не отражение прошлого в исторических понятиях; идиографический и номотетический метод; иррационализм истории и свободы в противовес рационализму в естественных науках; понятие отно-

ка» в названии одной из своих работ (*Кареев Н. И.* Из лекций по общей теории истории. Ч. I. Теория исторического знания (Историка). Ч. II. Историология. Теория исторического процесса. Ч. III. О школьном преподавании истории. СПб./Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913, 1915, 1917).

²⁹ *Breisach E.* Historiography: Ancient, Medieval and Modern. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1983. P. 238.

³⁰ Об истории публикации лекций Дройзена см.: *Хюбнер Р.* Предисловие издателя // *Дройзен И. Г.* Историка. С. 24-40. Далее: *Хюбнер.* Предисловие...

³¹ Цит. по: *Хюбнер.* Предисловие... С. 25.

сительно-исторического и потому относительно закономерного; диалектика; формула историзма»³².

Записями самих лекций по курсу «Энциклопедия и методология истории» долгое время никто не интересовался. Когда внук Дройзена историк Рудольф Хюбнер обнаружил, что тетради с записями существуют (к счастью, на 73-м году жизни Дройзен начисто и наново переписал курс), он взялся за подготовку рукописи к печати, и в 1936 г. книга была издана.

Естественно публикация не может воспроизвести полностью те лекции, которые некогда были прочитаны — «живое слово и исходящую от него силу воздействия никогда нельзя заменить печатным текстом»³³. Тем более что и сам Дройзен в уже упомянутом письме признавался, что добиться «блеска в глазах» слушателей ему более удастся в устной речи и благодаря этому он «смог кое-чего достичь на кафедре: здесь есть нужное мгновение, и ощущаемая тобой реакция слушателей, и рост их возбуждения»³⁴. Однако, по удачному выражению Хюбнера, публикация этих лекций позволяет «довольствоваться заменой того, что само по себе незаменимо»³⁵.

Особенностью курса Дройзена по методологии истории является то, что он представляет собой «энциклопедию» еще и в смысле репрезентации поистине безграничных познаний лектора, знатока разных исторических эпох и ареалов, специалиста по экономической истории и истории права, историософии и филологии, литературе и зодчеству, нумизматике и эпиграфике. Текст во все не абстрактен, что порой характерно для теоретических курсов. Он и не выстроен по распространенной модели: тезис — пример или по принципу: теория — «исторический фон». Дройзен превосходно выдерживает логику теоретического рассуждения, погрузившись при этом во всемирную историю, лавируя в гуще сведений об огромном количестве исторических личностей, фактов, курьезов, документов, исследований.

³² Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории / Пер. с нем. М.: Юрист, 1994 [1922]. С. 541, сн. 55.

³³ Хюбнер. Предисловие... С. 32-33.

³⁴ Цит. по: Крист. Указ. соч. С. XIII.

³⁵ Хюбнер. Предисловие... С. 33.

Здесь самое время напомнить, что мы имеем дело не с методологическим трактатом, а с лекционным курсом. «Историка» адресовалась студентам, и обратим внимание на то, что профессор Дройзен считал необходимым и возможным читать молодым людям столь теоретически сложный и новаторский курс, требующий к тому же глубокого знания истории. Это делает честь и ему, и его слушателям.

Курс лекций Дройзена начинается своеобразной «декларацией независимости»:

«Конечно, мы не будем заимствовать из других наук дефиницию нашей науки и правила ее метода. Ибо мы тем самым подпали бы под их нормы и стали бы зависимы от их методов»³⁶.

Как мы уже могли заметить по приведенным выше высказываниям, для Дройзена вопрос о методологическом суверенитете истории был действительно первостепенным. Сам Дройзен обращал внимание на то, что

«“Историка” не является ни энциклопедией исторических наук, ни философией (или теологией) истории, ни физикой исторического мира и уж тем более ни поэтикой историографии. Она должна поставить перед собой задачу быть органом исторического мышления и исследования»³⁷.

Итак, метод делает науку наукой, и для поиска исторического метода, по мнению Дройзена, важны три момента: имеющийся в наличии эмпирический материал; способ, при помощи которого мы получаем результаты из этого исторического материала, и отношение полученных таким образом результатов к реалиям, объяснить которые мы пытаемся³⁸.

«Вопрошающий ум»

«Энциклопедия и методология истории» Дройзена включала следующие разделы: методика, систематика и топика (изложение) истории (в разное время они компоновались по-разному). Методика делилась на эвристику, критику и интерпретацию (исторического материала), отвечая на вопросы: *почему, каким образом, с какой це-*

³⁶ Дройзен. Энциклопедия... С. 43.

³⁷ Дройзен. Очерк... С. 466.

³⁸ Дройзен. Энциклопедия... С. 61.

лю. Систематика определяла область применения исторического метода, отвечая на вопрос: *что* может исследовать история. К топике относился анализ форм исторического изложения (план выражения, как сказал бы современный исследователь). И в каждом из указанных разделов мы обнаруживаем идеи, к которым не применим эпитет *устар.*

На самом деле «Энциклопедия и методология истории» полна множеством вопросов. Есть в ней и раздел «Исторический вопрос», в котором рассматривается такая часть ремесла историка как умение правильно задавать вопросы: текстам и вещам. Строго говоря, основную задачу всего курса можно свести к позднейшей формулировке Шарля-Виктора Ланглуа и Шарля Сеньобоса: «Как ставить вопросы в науке, столь отличной от других наук?»³⁹.

Во многом чередование вопросов и ответов определяется форматом лекции. Отчасти такая манера связана с новизной и сложностью предмета. Но, кроме того, нам кажется, что объяснение кроется и в природе *ума* самого Дройзена, недаром он утверждал:

«Чем сильнее развит вопрошающий ум, чем богаче содержание, которое вкладывает он в свой вопрос, приступая к новой задаче, тем значительнее вопрос, который он ставит»⁴⁰.

Конечно, как писал Дройзен, «вопрос и поиск, отталкивающийся от него, — это первый шаг исторического исследования»⁴¹. Лекции позволяют проследить процесс поисков ответов (здесь тоже хорошо видны преимущества устного жанра). Но мы, ввиду собственных жанровых ограничений, сосредоточимся на нескольких важнейших, с нашей точки зрения, ответах (научных результатах).

Представления Дройзена об исторической науке могут быть суммированы в нескольких его тезисах:

«История — не сумма происшествий, не общий ход всех событий, а некоторое знание о происшедшем, т. е. происшедшее, которое знают»⁴².

«Наша наука — не просто история, а *ístoría*, исследование, и

³⁹ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / Пер. с фр. 2-е изд. М.: ГПИБ, 2004 [1898]. С. 201.

⁴⁰ Дройзен. Энциклопедия... С. 80.

⁴¹ Дройзен. Энциклопедия... С. 82.

⁴² Дройзен. Очерк... С. 461.

с каждым новым исследованием история становится шире и глубже»⁴³.

«...Материалом нашего исследования является то, что еще не исчезло из былых времен»⁴⁴.

«Задача истории есть понимание [прошлого] путем исследования»⁴⁵.

Остановимся на некоторых из этих тезисов, которые Дройзен обозначал как «фундаментальные предложения», чуть более подробно.

Область научных прозрений Дройзена, с которой хочется начать, ибо она непосредственно касается и объекта, и задач исторической дисциплины — представление об исторической реальности. Концепция Дройзена исходит из удивительно опережающей свое время интерпретации природы прошлой социальной реальности. В то время как глава немецкой исторической школы Леопольд фон Ранке призывал историков, описывая прошлое, следовать девизу «как это было на самом деле», Дройзен утверждал, что

«результатом критики источников является не “подлинный исторический факт”, а то, что материал подготовлен для получения относительно точного и конкретного *мнения*» (курсив наш. — И. С., А. П.)⁴⁶.

Он писал, что фундаментальный принцип исторической науки состоит в том, что сведения о прошлом

«...она ищет не в нем самом, а в том, что от него еще имеется в наличии, и тем самым, в какой бы то ни было форме, доступно эмпирическому ощущению. Наша наука целиком основывается на предположении, что на основе таких современных нам материалов мы будем устанавливать не прошлые события, а аргументировать, исправлять и расширять наши представления о них...»⁴⁷.

Такая трактовка результата исторического исследования непосредственно связана с абсолютно актуальным и четко артикулиро-

⁴³ Дройзен. Энциклопедия... С. 63.

⁴⁴ Дройзен. Энциклопедия... С. 64.

⁴⁵ Дройзен. Энциклопедия... С. 70.

⁴⁶ Дройзен. Очерк... С. 474.

⁴⁷ Дройзен. Энциклопедия... С. 63.

ванным представлением о предмете исторической науки. Дройзен полагал, что таковым является не прошлое, а *человеческие действия, совершенные в прошлом* (по терминологии Дройзена, *волевые акты*). Именно эти акты историк должен попытаться вычленил из течения событий:

«... Любой так называемый исторический факт, помимо средств, связей, условий, целей, которые действовали все одновременно, является комплексом волевых актов... которые как таковые минули вместе с тем настоящим, которому они принадлежали, и сохраняются лишь в виде остатков того, что тогда было сформировано или сделано, или проявляют себя во взглядах и воспоминаниях»⁴⁸.

И в другом месте: «Когда мы говорим: “Государство, народ, церковь, искусство и т. д. делают то-то и то-то”, то мы имеем в виду “благодаря волевым актам” [людей]»⁴⁹.

При такой постановке вопроса Дройзен вступал в прямую полемику с позитивистами, полагавшими, что социальная жизнь определяется историческими законами, а поступками людей можно либо пренебречь, либо искать в них лишь проявления этих самых законов.

Дройзен также первым подвел итоги «классического» этапа развития источниковедения. В частности, им была предложена развернутая классификация «источников», т. е. эмпирического материала, используемого в исторических исследованиях. Дройзен, в соответствии с традициями школы Ранке (который работал в том же Берлинском университете), уделял существенное внимание эмпирическому материалу исторического исследования. Оставляя в стороне его не слишком удачную классификацию⁵⁰, можно констатировать, что подход Дройзена к проблеме источников имел, как минимум, три примечательных особенности.

⁴⁸ Дройзен. Очерк... С. 471.

⁴⁹ Дройзен. Очерк... С. 488.

⁵⁰ Дройзен подразделял исторический материал на *остатки* — «то, что имеется еще непосредственно в наличии из того настоящего, понимание которого мы ищем»; *источники* — «то, что от них перешло в представления людей и дошло до нас как воспоминание»; и *памятники* — «вещи, в которых объединены обе формы» (Дройзен. Очерк... С. 468).

Во-первых, Дройзен предложил необычайно широкую трактовку исторических источников, не многим отличающуюся от современной. К историческому материалу он относил не только архивные «деловые документы» (корреспонденции, счета, юридические грамоты и т. д.), но также «изложение мыслей, выводов, духовных процессов всякого рода» (мифы, философские и литературные произведения, а также «исторические труды как продукт своего времени»), сказания и исторические песни, речи в суде и парламенте, публицистические речи и проповеди, воспоминания (мемуары), «произведения искусства всякого рода», надписи, медали, монеты и т. д., «произведения, которым дал форму человек (художественные, технические и т. д.)», вплоть до дорог и общинных лугов; «любые монументальные отметки для памяти вплоть до пограничного камня, титула, герба, имени»; наконец, сохранившиеся в настоящем «правовые институты нравственных общностей» (нравы, обычаи и традиции, законы, государственные и церковные установления), и этим список далеко не исчерпывается⁵¹.

Во-вторых, говоря об источниках, Дройзен постоянно отмечал их отрывочность и фрагментарность, не позволяющую получить полную картину прошлого. Поэтому «мерой достоверности исследования» он полагал четкость в обозначении пробелов и возможных ошибок. А отсюда вытекает необходимость анализировать разные виды источников, в поисках точки пересечения между ними⁵².

Наконец, Дройзен всячески выступал против «фетишизации» источников, настойчиво подчеркивая, что источники — это только материал для изучения, их анализ и критика — лишь подготовительный этап, а самое сложное в работе историка начинается на стадии собственно исследования.

«Добросовестность, не идущая дальше результатов критики [источников], заблуждается, предоставляя дальше работать с ними фантазии, а надобно было бы поискать для дальнейшего исследования правила, которые гарантируют его корректность»⁵³.

⁵¹ Дройзен. Очерк... С. 468-469; подробнее см.: Дройзен. Энциклопедия... С. 84-145.

⁵² Дройзен. Энциклопедия... С. 224.

⁵³ Дройзен. Очерк... С. 474.

Еще один фундаментальный принцип Дройзена — «Сущность исторического метода — понимание путем исследования»⁵⁴. «Понимание является синтетическим и одновременно аналитическим, индукцией и дедукцией»⁵⁵, — так тезисно сформулировал Дройзен свое представление о «понимании» в «Очерке истории». Расшифровывая эти тезисы в «Энциклопедии и методологии истории», он пишет:

«Наша задача может заключаться только в том... чтобы попытаться узнать путем исследований имеющихся у нас материалов, чего хотели те люди, которые создали, действовали, трудились, что волновало их Я, что они хотели высказать в тех или иных выражениях и отпечатках своего бытия. Из материалов, какими бы фрагментарными они ни были, мы пытаемся познать их волеия и деяния, условия их желаний и поступков; из отдельных выражений и образований, которые мы еще можем понять, мы пытаемся реконструировать их Я, или в том случае, если они действовали и создали сообща, постичь это общее, ... частицей и выражением которого они являются»⁵⁶.

При этом следует обратить внимание на слово «пытаться», которое не случайно встречается в процитированном абзаце три раза. Дройзен прекрасно понимал ограниченные возможности и пределы нашего понимания людей прошлого, их мыслей и чувств:

«Необходимо длительное и трудное опосредование, чтобы вникнуть в чуждое, ставшее для нас непонятным, чтобы восстановить представления и мысли, которыми люди руководствовались сто, тысячу лет назад, совершая те или иные поступки, по-своему их воспринимая; необходимо как бы понять язык, на котором говорят странные для нас теперь события и социальные отношения»⁵⁷.

Конечно, сам термин «понимание» ныне выглядит немного архаично и в значительной мере уже ушел из современного научного лексикона, но в то время, акцентируя роль «понимания», Дройзен противостоял как естественнонаучным методологическим дискуссиям об «описании и объяснении», так и представлениям романтиков о возможности вчувствования, проникновения в мысли людей про-

⁵⁴ Дройзен. Энциклопедия... С. 65.

⁵⁵ Дройзен. Очерк... С. 463, 464.

⁵⁶ Дройзен. Энциклопедия... С. 71.

⁵⁷ Дройзен. Энциклопедия... С. 144.

шлого. (Как легко заметить, и естественнонаучные, и романтические представления об историческом знании не изжиты полностью по сей день.) Дройзен считал, что сознание человека, рождение мысли скрыто от самого проницательного исследователя, который всегда имеет дело с действиями, будь то поступок или запечатленное слово. «Хотя человек и понимает человека, — разъяснял Дройзен, — но лишь периферийно; он воспринимает поступок, речь, мимику другого (т. е. действия. — *И. С., А. П.*), но не может доказать, что он правильно понял его, совершенно понял»⁵⁸.

Естественно, читая лекции, Дройзен много импровизировал. «Энциклопедия...» завершается словами из конспекта Фридриха Мейнеке, слушавшего курс в зимний семестр 1882/83 г. Это единственная вставка фрагмента из конспекта в оригинальный текст, сделанная Хюбнером по совету Мейнеке, который ранее этими же словами заключил свою работу о Дройзене:

«Два момента нашего обзора обозначаются особенно ясно. Во-первых, мы, в отличие от естественных наук, не имеем в арсенале наших средств эксперимента, мы можем только исследовать, и ничего иного. Во-вторых, в результате даже самого основательно-го исследования можно получить только фрагмент, отблеск прошлого; история и наше знание о ней отличны, как небо и земля... Это могло бы привести нас в уныние, если бы не одно обстоятельство: развитие *идеи* в истории мы все-таки можем проследить, даже имея фрагментарный материал. Таким образом, мы получаем не образ происшедшего самого по себе, а образ нашего восприятия и мысленной его переработки. Это наш суррогат.

Получить его не так легко, и изучение истории не столь от- радно, как это кажется на первый взгляд»⁵⁹.

«Немецкое счастье» Иоганна Густава Дройзена

Читая теоретические работы Дройзена, поражаешься тому, насколько основные темы «историки» соответствуют содержанию теоретических поисков нашей науки на протяжении всего XX столетия. Конечно, оставляя за кадром «антиквариат» в идейном наследии Дройзена и фокусируя взгляд на актуальных положениях его труда,

⁵⁸ Дройзен. Очерк... С. 477.

⁵⁹ Дройзен. Энциклопедия... С. 446. См.: *Meinecke F. Johann Gustav Droysen. Sein Briefwechsel und seine Geschichtsschreibung // Historische Zeitschrift. 1929. Bd. 141. S. 249-287. (S. 287).*

мы получаем (и предлагаем читателю) не «настоящего» Дройзена, а «избранные» рассуждения, извлеченные из целостного текста. Принадлежность их к XIX столетию порой выдает только форма изложения. Между тем в тексте лекций обнаруживается и достаточно много представлений и идей, которые сегодня выглядят архаичными. Родившись в начале XIX века и дожив почти до его конца, Дройзен в своих исследованиях вполне отражал «дух эпохи», ее основные философские и религиозные искания, равно как и историографические «повороты». Мы же преследовали цель вычленив из достаточно пространного и неоднородного текста лекций мысли, созвучные современному взгляду на природу исторического знания.

Идеи Дройзена, предлагающие расширительное толкование исторических источников и их классификацию, получили развитие уже в конце XIX в. в работах Эрнста Бернгейма и Шарля-Виктора Ланглуа и Шарля Сеньобоса⁶⁰, и по существу именно этот подход лежит в основе современного источниковедения.

В рамках разделения исторических материалов на «источники», «остатки» и «памятники» Дройзеном (и вслед за ним Бернгеймом) были намечены первые подходы к проблеме прошлого как *Другого* и дистинкции разных типов «прошлого» (в современном научном дискурсе различение прошлого и настоящего тесно связано с понятием *Другого*). Уже в середине *позапрошлого* (sic!) века Дройзен писал:

«Данным для исторического опыта и исследования являются не прошлые времена — они минули, — а непреходящее, то, что от них осталось в данный момент, то есть Здесь и Теперь... Не былые времена проясняются, а то, что от них осталось в настоящем. Эти пробужденные ото сна отблески суть идеальное прошлое, мыслимая картина былых времен»⁶¹

(Заметим, что и в наши дни отдельные историки все еще пребывают в уверенности, что история изучает *прошлое*).

Проблема многоярусного присутствия прошлого в настоящем была осмыслена спустя сто лет социологом Эдвардом Шилзом, который выделил два типа «прошлого». Вслед за Шилзом, известный английский специалист в области истории политической мысли Майкл Оукшот выдвинул идею о наличии трех «прошлых», которые

⁶⁰ См.: Бернгейм Э. Введение в историческую науку / Пер. с нем. СПб.: Изд-во «Вестника знания», 1908 [1889]; Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Указ. соч.

⁶¹ Дройзен. Очерк... С. 462.

он именовал «практическим», «зафиксированным» и сконструированным в человеческом сознании⁶².

Не менее современны и некоторые принципиальные высказывания Дройзена, содержащиеся в разделе «Топика», касающиеся проблематики истории в значении текста и, в частности, риторики исторического исследования.

«Формы изложения определяются не по аналогии эпоса, лирики, драмы (Гервинус), не по различию “определенных во времени и пространстве действий свободного человека в государстве” (Ваксмут), не по случайным всевозможным хроникам, достопримечательностям, картинкам из старины, историям (quibus rebus agendis inter fuerit is qui narret, Авл Геллий), а двойственной природой исследуемого»⁶³.

Двойственность же исторического исследования состоит в том, что представление о происшествиях и порядках былых времен, которое можно получить исходя из настоящего и из некоторых наличествующих в нем элементов прошлого, одновременно ведет к обогащению и углублению понимания настоящего путем прояснения былых времен, и объяснению прошлых времен путем открытия и развертывания того, что из них имеется в настоящем. При этом, как уточнял Дройзен,

«каким бы плодотворным ни было исследование, полученные им представления далеко не совпадают с многообразием содержания, движения, реальной энергии, которыми обладали вещи, когда они были настоящим»⁶⁴.

Поднятая Дройзеном тема понимания позднее возникла в работах Вильгельма Дильтея и баденских неокантианцев Вильгельма

⁶² Shils E. Tradition. Chicago: The University of Chicago Press, 1981; Oakeshott M. J. On History and Other Essays. Totowa (NJ): Barnes & Noble, 1999 [1983]. О проблеме прошлого в истории см. также: Савельева И. М., Полетаев А. В. Указ. соч. Т. 1. Гл. 4.

⁶³ Дройзен. Очерк... С. 494. Вильгельм Ваксмут (Ernst Wilhelm Gottlieb Wachsmuth) (1784–1866), немецкий историк, с 1820 г. — профессор Кильского университета, с 1825 г. — профессор Лейпцигского университета. Его работа «Эскиз теории истории» (*Wachsmuth W. Entwurf einer Theorie der Geschichte*. Halle, 1820), так же, как и упомянутое выше сочинение Гервинуса, оказала большое влияние на методологические поиски Дройзена.

⁶⁴ Дройзен. Очерк... С. 494-495.

Виндельбанда и Генриха Риккерта⁶⁵. В качестве обобщающего признака общественных наук они начали использовать термин «понимание», которое и противопоставлялось ими естественнонаучному «объяснению». Эти идеи получили широкую известность в конце XIX – начале XX в. В многочисленных работах они воспроизводились буквально или с небольшими вариациями. В частности, к числу последователей неокантианцев можно отнести и ряд российских философов истории начала века⁶⁶.

Позднее Макс Вебер четко показал, что понимание и объяснение неразрывно связаны в общественных науках (в частности, в социологии и истории). Именно поэтому Вебер ввел понятие «объясняющего понимания»⁶⁷, которое позволяет ликвидировать это искусственное противопоставление. В самом деле, даже на уровне обыденной семантики вряд ли можно дать объяснение тому, что ты не понимаешь, точно так же, как понимание (прежде всего человеческих действий) достигается прежде всего через их объяснение. Тем не менее, противопоставление «понимания» и «объяснения» до сих пор продолжает время от времени всплывать в методологических дискуссиях, в том числе и по поводу исторического знания.

В соответствии с правилами эпохи и собственной ярко выраженной гражданской позицией Дройзен немало сказал и о функциях истории. В исторической науке второй половины XX века, вплоть до недавнего времени, теоретические основания этой проблемы почти не обсуждались. Отчасти, по нашему мнению, потому, что функции, издавна приписываемые истории, в какой-то мере обнаружили свою неэффективность. Однако в последние десятиле-

⁶⁵ При этом указанные авторы совершенно по-разному концептуализировали понятие «понимание» и, строго говоря, вкладывали в него абсолютно разный смысл. В частности, Дильтей и Риккерт принципиально по-разному определяли объект обществознания («науки о духе» и «науки о культуре») и использовали разные немецкие слова для обозначения «понимания» (соответственно, *Verstehen* и *Auffassung*).

⁶⁶ См.: *Хвостов В. М.* Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории. 4-е изд. М.: Комкнига, 2006 [1909]; *Ланно-Данилевский А. С.* Методология истории. 2-е изд. М.: Территория будущего, 2006 [1911–1913]; *Кареев Н. И.* Указ. соч.

⁶⁷ *Вебер М.* Основные социологические понятия («Хозяйство и общество», гл. 1) [1921] // Теоретическая социология. Антология / Ред. С. П. Баньковская. В 2-х ч. М.: Университет, 2002. Ч. 1. С. 70-146. (С. 78).

тия, и особенно в странах, озабоченных поисками национальной идентичности и даже «национальной идеи», проблема социальных функций истории приобрела не только идеологическое, но и научное измерение⁶⁸. В этой связи вполне современно звучат слова Дройзена, что «практическое значение исторических исследований заключается в том, что они — и только они — дают государству, народу, армии и т.д. *образ самого себя*»⁶⁹, то есть, говоря языком социологии, способствуют формированию национальной идентичности. Эти слова, кстати, произнесены в финале такого сугубо методологического произведения как «Очерк историки».

В связи с темой социальных функций истории упомянем и о возникшей на исходе XX века новой волне озабоченности общества состоянием массового исторического образования (первая волна пришлась как раз на время Дройзена). Если в XIX в. становление общеобразовательной школы ставило вопрос о создании «правильных» программ по истории, так как «изучение истории есть основа *политического (курсив наш — И. С., А. П.)* воспитания и образования»⁷⁰, то сегодня претензии общественности самых разных стран относятся и к приведению содержания программ по истории в соответствие с политическими реалиями, и к качеству исторических знаний населения. Реакция на вызовы общественности тех историков, которых больше волнует обновление научного содержания массовых исторических представлений, близка идее Дройзена, который четко разделял познавательные и социальные функции истории и определял «значение истории в деле образования» в том числе и такими словами:

«У любого настоящего существует потребность заново реконструировать историю своего становления, своего прошлого, т.е. понять все то, что есть и стало таковым, осмыслить в свете добытого *нового знания* (курсив наш. — И. С., А. П.) как бы с более высокой точки, окидывая взором все большие пространства»⁷¹.

В связи с призывами некоторых современных исследователей к демократизации процесса производства исторического знания, к

⁶⁸ Подробнее см.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Указ. соч. Т. 1. Гл. 8.

⁶⁹ Дройзен. Очерк... С. 499.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Дройзен. Энциклопедия... С. 143.

созданию истории «людьми с улицы» (и даже крайними утверждениями о превосходстве такого способа историописания), актуальным остается и мнение Дройзена о непроницаемой границе между «популярной» (общедоступной) и научной историей.

«...Многие результаты исторического исследования никак не подходят для того, чтобы их излагали в популярнейшей форме. Один александрийский ученый, когда царь Птолемей VII пожелал выучить математику за короткое время, ответил ему: “К наукам нет царского пути”. Но нет и народного пути к наукам, широкой столбовой дороги для всякого человека из народа. Любая наука по своей природе эзотерична и должна оставаться таковой. Ибо лучшая часть всякого научного познания есть сам труд познания»⁷².

И любителям модного конструкта «историческая память» есть что почерпнуть из размышлений полуторавековой давности о соотношении социальных представлений, укорененных в традиции, и профессионального исторического знания. Очевидно, что Дройзен безошибочно чувствовал разницу между знанием, запечатленным в текстах, и памятью, передаваемой в образцах поведения, ритуалах и т. д.

«Любое воспоминание, — говорил Дройзен, — пока оно внешне не зафиксировано (в поэтической речи, в сакральных формулах, в письменной редакции и т. д.), живет и преобразуется вместе с комплексом представлений тех, кто ими руководствуется (например, “традиция” в римской церкви)»⁷³.

Перечень актуальных идей Дройзена можно и продолжать, но пора признаться, что мы действуем в режиме историцистского подхода, при котором важно обнаружить и зафиксировать все интересные (и даже не очень интересные) идеи или работы (вплоть до неопубликованных рукописей), создававшиеся в прошлом, независимо от того, были ли они известны современникам и, тем более, оказали ли они влияние на потомков⁷⁴. Поскольку Дройзен при жизни не

⁷² Дройзен. Энциклопедия... С. 394-395.

⁷³ Дройзен. Очерк... С. 469

⁷⁴ Об историцистском и презентистском подходах в истории мысли см.: Полетаев А. В. Классика в общественных науках // Классика и классики в современном социально-гуманитарном знании / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: Новое литературное обозрение, 2009 (в печати).

опубликовал свое основополагающее сочинение по теории исторического знания, его научный приоритет в этой области фактически остался непризнанным. Более того, «Энциклопедии и методологии истории» Иоганна Густава Дройзена не повезло дважды.

Первый раз потому, что она не была издана тогда, когда была создана (за исключением тезисного «Очерка историки»). Тем самым в развитии теории исторического знания исследование Дройзена не сыграло той основополагающей роли, которую оно могло бы сыграть. Хотя имя Дройзена, как правило, упоминается в ряду основоположников теоретических основ исторической науки второй половины XIX в., и тезисы его были известны и высоко оценены по крайней мере многими ведущими немецкими историками (среди них: Фридрих Мейнеке, Отто Хинце, Эрнст Трельч, Эрих Ротхакер), при этом обычно читали и, соответственно, цитировали написанные и опубликованные позднее монографические исследования Бернгейма, Ланглуа и Сеньбоса, а также, когда речь шла об определении характера исторического знания — Дильтея, Виндельбандта и Риккерта.

Второй раз «историке» не повезло потому, что когда, наконец, эти лекции были изданы в Германии, шел 1936-й год. Место и время — роковые для произведения, содержащего концепцию *исторического* знания. Публикация сочинения примерно совпала по времени с появлением теоретических работ Чарльза Бирда, Карла Беккера, Мортона Уайта, Фридриха Мейнеке, Марка Блока, Люсьена Февра, Робина Коллингвуда, но ведь написано оно было на 80 лет раньше! Тем не менее, по нашему мнению, публикация могла бы стать заметным явлением в исторической науке и в 1930-е годы, если бы не изоляция нацистской Германии в интеллектуальном пространстве. Впрочем, в середине XX века речь в любом случае могла идти скорее об оценке места Дройзена в дискуссиях об историческом знании *post factum*. В результате, несмотря на то, что его сочинения относятся к классике исторической мысли и упоминаются без исключения всеми, кто пишет о проблеме методологии истории, сам текст оказывается, как правило, вне поля зрения. И совершенно незаслуженно. Как бы далеко вперед ни продвинулись за последующие полтора столетия социальные науки, многие идеи Дройзена и по содержанию и по форме оставались актуальными на протяжении всего XX века в контексте дискуссий о характере исторического знания.